

ПРОЛОГ

Апрель, 1484

На фоне серого неба замок Гленкирк казался почти черным. Подъемный мост сейчас был опущен, а вдоль стен медленно расхаживали солдаты, которые всегда были начеку, хотя вроде бы наступил мир. Но вчерашний друг сегодня мог легко превратиться во врага, не так ли?..

Внутренний двор замка внезапно огласился громким стуком копыт. Огромный черный конь, несущий всадника в плаще, пронесся по мосту и вылетел на дорогу. А всадник, чей плащ рвался на ветру, пустил коня галопом. Уносясь из замка, Патрик Лесли, лорд Гленкирк, оставлял за спиной и группу рыдающих женщин, и своего новорожденного сына, и мертвую супругу, леди Агнес.

В пылу бешеной скачки он то и дело вспоминал о событиях последних недель и месяцев.

Он так ждал рождения наследника! Агнес же легко переносила свое положение, и счастливая улыбка не сходила с ее уст даже в самом начале, когда бедняжку тошнило по утрам. Патрику Лесли было двадцать четыре. Осиротев, когда ему было всего десять, он воспитывался дядей и заодно многочисленными воинами, населявшими дядин дом. Женился Патрик поздно и в том возрасте, когда большинство его сверстников уже стали отцами многочисленных семейств, все еще оставался бездетным. Но затем он обратил внимание на миниатюрную светловолосую девушку, дочь клана Каммингс. И вскоре они поженились — просто с неприличной поспешностью, как говорили злые языки.

И вот, наконец, настал тот день, которого так ждали они оба. Ужасно взволнованный, граф мерил шагами переднюю, примыкавшую к спальне жены, а компанию ему составлял его двоюродный брат Йен. Внезапно послышался громкий и здоровый детский плач, и через минуту к ним вышла служанка леди Агнес, державшая на руках маленький сверток.

— Вот ваш сын, милорд. Леди Агнес желает знать, как вы его назовете.

Со счастливой улыбкой на лице Патрик разглядывал крошечное сморщенное личико младенца.

— Адам. Скажите ей, что его будут звать Адам, потому что он появился первым.

Служанка присела в реверансе, а затем с ребенком на руках удалилась в спальню. Йен Лесли склонил голову к плечу и, внимательно взглянув на родича, проговорил:

— Первый? А как же малышка Джанет?

— Адам — мой сын-первенец и мой законный наследник, болван!

Йен засмеялся и едва увернулся от дружеского тычка.

— Поспешి отправить гонца к родным Агнес, не то леди Каммингс повиснет у тебя на шее. И, что еще хуже, поселится в твоём доме, если ты не упредишь ее визит счастливым известием!

— Да, конечно. — Патрик кивнул. Они уже собирались покинуть переднюю, но тут дверь спальни распахнулась и на пороге опять появилась служанка.

— Леди Агнес... леди Агнес... — пролепетала она.

Патрик схватил ее за плечи и с силой встряхнул.

— Говори же, что там стряслось?!

— Кровь, — всхлипывая, сообщила служанка. — Пошла кровь! О, Пресвятая Дева, помилуй ее! — Рыдая, девушка выбежала из передней.

Патрик Лесли стремительно пересек комнату, но в дверях спальни путь ему преградила повитуха.

— Она умирает, милорд, — пробормотала женщина. — И я ничем не могу ей помочь.

— Бога ради, скажите, что произошло? — закричал граф.

— Она истекает кровью, милорд, и мы не можем остановить кровотечение. Вам лучше пойти к ней. У нее

6 осталось очень мало времени. — На лице повитухи

было написано искреннее сострадание; ей нравился лорд Гленкирк, а его жена была очень храброй и красивой леди.

В следующее мгновение Патрик ворвался в спальню жены и бросился к ее постели. Агнес Лесли тихо лежала на огромной кровати; а ее светлые волосы разметались по подушке. Краски жизни уже покинули ее лицо, глаза были закрыты, и на веках выступили синие прожилки.

Наклонившись, граф поцеловал жену в лоб.

— Вы подарили мне чудесного сына, мадам, — прошептал он.

Агнес открыла глаза и, едва заметно улыбнувшись, сказала:

— Попроси Мэри Маккэй, чтобы приехала сюда и смотрела за ребенком. Она еще не так стара...

— Милая, ты сама ее об этом попросишь.

— Нет, Патрик. Я умираю...

Он отвернулся с отчаянным стоном. Агнес же прошептала:

— Мой бедный Патрик, ты так и не научился встречать удары судьбы лицом к лицу.

Повернувшись к жене, граф воскликнул:

— Любимая, ты не должна так говорить! Ты поправишься! Ты не можешь нас покинуть!

— Патрик, ты сдержишь обещание, которое мне дал?

Граф молчал, и его супруга пояснила:

— Когда я сказала, что скоро подарю тебе ребенка, ты обещал, что привезешь Джанет в Гленкирк. Ты обещал признать ее по закону, чтобы я могла воспитывать девочку вместе с нашим ребенком. Патрик, она твоя дочь. Она — тоже Лесли.

— Любимая, но как я смогу жить без тебя?!

— Поклянись мне, Патрик, — продолжала умирающая. — Поклянитесь именем Пресвятой Девы!

— Не могу... — пробормотал граф.

— Патрик!.. — голос леди Агнес слабел. — Патрик, это моя предсмертная воля. Поклянись же!

— Клянусь! Клянусь именем Пресвятой Божьей матери! Я привезу мою дочь Джанет в Гленкирк, признаю ее по закону и стану воспитывать вместе с нашим сыном Адамом.

— Благодарю тебя, Патрик. Господь возблагодарит тебя за это, — прошептала леди Лесли — и затихла.

Лорд Гленкирк вернулся к действительности. Осадив коня, он съехал с главной дороги и свернул на обсаженную деревьями аллею, в конце которой стоял домик под аккуратной тростниковой крышей. Заслышав стук копыт, в дверях появилась невысокая женщина со щеками, точно румяные яблочки.

— Патрик!.. — крикнула она. — Нужно было предупредить, что ты приедешь! Как там Агнес?

— Она умерла, — с горечью ответил граф.

— А ребенок?

— Ребенок — мальчик. Здоровый и крепкий. — Спешившись, Патрик вошел в дом.

— Так как же так вышло, Патрик?

— Я не понимаю, Мэри! Все шло хорошо. А потом повитуха вдруг сказала, что у нее пошла кровь и что они не могут остановить кровотечение. Через несколько минут все было кончено.

— Ах, бедный мальчик! — воскликнула пожилая женщина.

— Перед смертью Агнес просила меня кое о чем... Впервые — чтобы ты вернулась в Гленкирк, где будешь смотреть за ребенком. Поедешь, Мэри?

— Да, Патрик, конечно. Я нянчила тебя, буду нянкой и твоему сыну. А о чем еще Агнес просила перед смертью?

— Просила, чтобы я признал Джанет своей законной дочерью и воспитывал ее вместе с нашим сыном. Первый раз она попросила об этом еще тогда, когда узнала, что носит ребенка. И это стало ее последней просьбой. А я поклялся именем Пресвятой Девы, что исполню ее.

— Господи, благослови и упокой ее добрую душу, — прошептала Мэри Маккэй. — Любая другая держала бы девочку подальше от тебя. Пусть даже это случилось еще до твоей женитьбы. Какой доброй была Агнес Каммингс...

Граф кивнул, а Мэри продолжила:

— Но Патрик, если ты женишься снова... Как примет Джанет твоя новая супруга?

— Я убил двух женщин, которые носили моих детей, Мэри! Сначала — Мег, твою дочь, которой едва исполнилось шестнадцать. А теперь — Агнес. Ей было всего семнадцать. Нет, я не женюсь снова.

— Злая судьба, мой мальчик... — со вздохом проговорила пожилая женщина. — Но если когда-нибудь

ты решишь поставить на огонь новый котелок... Тогда, наверное, мы как-нибудь справимся. Скажи, а как ты назвал младенца?

— Адам.

— Хорошее имя, — кивнула Мэри.

Какое-то время они молча сидели перед камином, в котором весело пылал огонь. Наконец граф спросил:

— А где Джанет? Я хочу увести ее в Гленкирк сегодня же вечером.

— Она в овчарне, смотрит новорожденных ягнят. — Мэри подошла к двери и, открыв ее, позвала: — Джанет, иди сюда! Твой отец здесь!

На зов прибежала четырехлетняя девочка с непокорной гривой рыжеватого-золотистых волос.

— Папа, ты не говорил, что приедешь! А что ты мне привез?

Мэри тяжело вздохнула и проговорила:

— Воистину она твоя дочь, Патрик Лесли!

— Пригоршню поцелуев и охапку объятий, проказница моя! — рассмеялся он, подхватывая девочку на руки. А она со смехом прижалась к его плечу. — Джанет, а не хочешь ли ты прямо сегодня поехать со мной в Гленкирк?

— Чтобы там жить, да, папа?

— Да.

— Насовсем?

— Живи там, сколько сама пожелаешь, моя радость!

— А бабушка тоже поедет?

— Да, Джанет. Твоя бабушка придет к нам и будет заботиться о твоём маленьком брате Адаме.

— А мне можно называть леди Агнес мамой?

Мэри Маккэй побледнела, а Патрик пробормотал:

— Джанет, леди Агнес умерла. Она отправилась на небо, как и твоя дорогая мамочка.

Малышка тоже вздохнула.

— Значит, теперь у тебя есть только бабушка, Адам и я, да, папа?

— Да, Джанет.

Девочка поерзала в объятиях отца и задумалась на минуту. Потом, наконец, устремила на него совсем недетский взгляд золотисто-зеленых глаз и сказала:

— Да, папа, тогда я поеду с тобой в Гленкирк.

Патрик повернулся к Мэри Маккэй.

— Принеси ее плащ. Завтра я пришлю за тобой карету. Собери свои вещи.

Мэри как следует закутала девочку в шерстяной плащ и вывела ее из дома. Отец, уже ожидавший верхом на лошади, протянул к малышке руки.

— Не печалься, Патрик, — сказала Мэри, отдавая ему девочку. — Теперь ты должен думать о детях.

— Знаю, Мэри, знаю... — Граф усадил дочку в седло перед собой и, дав шпоры коню, поскакал сквозь быстро сгущавшиеся сумерки к замку Гленкирк.

ЧАСТЬ I

ДОЧЬ ПОСЛА 1490–1493

ГЛАВА 1

Утирая руки о рубашку, Яков IV, король Шотландии и Островов, откинулся на спинку кресла и окинул зал внимательным взглядом. По левую руку от него сидел Патрик Лесли, лорд Гленкирк, который как раз в эту минуту оживленно беседовал с хорошенькой любовницей Якова. А король, казалось, о чем-то задумался, чуть прикрыв глаза. Менестрель же тем временем пел печальную песню, сложенную где-то на границе.

Тут король шевельнулся и, снова осмотрев зал, отметил, что многие поглядывали с любопытством то на него, то на Патрика Лесли. Отлично, подумал Яков, пусть гнусные интриганы ломают себе головы! Боже правый, ну почему так редко встречаешь человека, которому можно доверять? Однако ответ на этот вопрос был ему прекрасно известен.

Справа от короля сидел Хелберн Хейлс, которого он только что сделал графом Босвеллом. И у новоиспеченного графа, насколько успел заметить Яков, была весьма пылкая поклонница — юная рыжеволосая девушка, украдкой бросавшая на него взгляды из-под ресниц. В очередной раз взглянув на Босвелла, она тихо сказала:

— Говорят, милорд, вы хотите посвататься к девушке из семьи Гордон...

— Ах, мисс Лесли, вы всего два дня при дворе, — а уже знаете все сплетни! — воскликнул в ответ граф, снисходительно глядя на свою юную поклонницу.

— Вам лучше выбрать леди Мэри, милорд. Она такая красивая!.. И, говорят, отличается кротким нравом.

— А леди Джейн? — с лукавой улыбкой осведомился Босвелл.

— У нее кошачьи глаза, и она вспыльчива, как сам дьявол — так мне говорили, — с невинным видом ответила девушка.

Сидевшая по другую руку от графа леди Джейн Гордон гневно воззрилась на нее.

— Кузен, с каких это пор вы сажаете за стол сопливых девчонок? — осведомилась она с презрительной усмешкой.

— Я уже не ребенок, миледи! — заявила девушка.

Леди Джейн Гордон тут же встала.

— Ужасно хочется надрать тебе уши, бесстыдница, — резко проговорила она.

Рыжеволосая тоже вскочила и, решительно шагнув к своей прекрасной сопернице, воскликнула:

— «Стой на своем» — вот девиз моей семьи! А ваш включает слово «хитрость», не так ли, леди Джейн?

В зале воцарилась гробовая тишина, когда леди Джейн набросилась на Джанет Лесли. Однако малышка Джанет не стала дожидаться, когда соперница влепит ей пощечину, — напротив, у Джанет наготове были и кулаки, и острые ноготки.

Леди Джейн, не ожидавшая такого отпора, в удивлении вскрикнула и попыталась защититься. А граф Босвелл, рассмеявшись, поднялся на ноги и придержал разбушевавшуюся девушку, обхватив ее за плечи.

— Пустите! — завизжала Джанет, молотя кулачками по груди Босвелла.

— Уймись, девочка. Битва окончена, и ты победила, — проговорил граф, отпуская ее.

Джанет сверкнула на него зелеными глазами, а он добавил:

— А теперь улыбнись нам.

Губы девушки дрогнули, и она сказала:

— Милорд, от вас пахнет вереском...

Босвелл снова рассмеялся. Король же вдруг проговорил:

— Неужели никто не уложит спать эту маленькую разбойницу? Ведь она сейчас начнет кровную вражду между Лесли и моими кузенами Гордонами.

Тут Патрик Лесли встал и решительно направился к своей дочери. Джанет помрачнела и воскликнула:

— Я никуда не пойду! Или пусть меня отведет граф Босвелл!

Находившиеся в зале мужчины разразились громким хохотом. Женщины же, смущаясь, захихикали — репутация графа в отношении женского пола была отлично известна.

— Лесли, сколько лет твоей строптивой дочери?! — вскричал Яков.

— Десять лет, сир.

— Помоги нам всем Бог, когда ей стукнет четырнадцать! Она разнесет весь королевский двор! Очень хорошо, миледи Джанет, — продолжал король. — Лорд Босвелл проводит тебя в твои покои. Лесли, вы пойдете со мной. — Яков обвел взглядом придворных и добавил: — А вы все — вон отсюда! Возвращайтесь к своим интригам да сплетням. Пир окончен.

Король поднялся и тут же направился в свои личные покои. Лорд Гленкирк последовал за ним. Усевшись в кресло, Яков Стюарт проговорил:

— Итак, милорд Гленкирк, потребовался специальный королевский указ, чтобы вы явились ко двору?

— Да, ваше величество.

— Однако вы были в числе тех немногих вождей, что поддержали меня против моего покойного отца. Почему?

— Я понимал, что правда на стороне вашего величества. В свое время ваш отец был великим королем, но он состарился и выжил из ума. А Шотландии нужен был молодой правитель! Вот я и выступил на стороне вашего величества. Но теперь я держусь подальше от королевского двора, так как мне нужно управлять собственными владениями. Однако же, как отлично известно вашему величеству, я далек от всяческих интриг. А здесь, в Эдинбурге, нужно владеть искусством интриги, если хочешь выжить.

— Может, вы и не интриган, Патрик Лесли, но уж точно великий дипломат. Поэтому я вас и вызвал. — Лорд Гленкирк молчал, весьма озадаченный, а король продолжал: — Я решил, что стану первым из шотландских

королей, отправившим послов для представительства в других странах. И я желаю, чтобы вы стали моим послом в герцогстве Сан-Лоренцо.

— Да простит ваше величество мою необразованность... но где оно, это герцогство Сан-Лоренцо? — пробормотал Патрик.

Яков Стюарт расхохотался.

— Я и сам узнал о нем всего несколько месяцев назад! Это крохотная страна где-то в Средиземноморье, но она очень нужна нам — для развития торговли с Венецией и Востоком. Наш дорогой кузен Генрих Английский уже несколько лет пытается с ними подружиться, однако у его жалких посланников такие же кислые физиономии, как и у самого Генриха. Они весьма раздражают тамошнего герцога, человека культурного и щедрого. В прошлое Рождество он отправил ко мне целую посольскую свиту. Они уехали от меня, увозя щедрые и богатые дары, а также обещание прислать к ним весной нашего посла.

— Но, ваше величество, — возражал Патрик, — разве я придворный? Я простой горец, предводитель клана. Знаю только свой народ да свои поместья. Разумеется, найдется кто-нибудь другой, более достойный этой чести.

— Нет, милорд. Мне нужны вы. Говорите что угодно, но я-то знаю, что вы человек образованный и, как говорят, умеете быть весьма красноречивым и убедительным. Герцог Сан-Лоренцо отличается утонченным вкусом. Те неотесанные болваны, которых отправил к нему Генрих, так его разозлили, что он надумал обратиться ко мне лишь затем, чтобы досадить нашему английскому кузену. Шотландия — бедная страна, Патрик. Нам нужна безопасная бухта на Средиземном море, куда наши корабли могли бы заходить для пополнения запасов воды и провизии, и тогда мы сможем торговать с Левантом. А за товары, которые мы начнем оттуда доставлять, Англия будет платить втридорога! Прежде я ни о чем вас не просил, милорд, но теперь прошу. Не заставляйте меня вам приказывать! Я слишком высоко ценю и вашу дружбу, и вашу преданность.

— Но кто будет заботиться о моих людях и моих землях?

— Мы пошлем туда вашего кузена, Йена. Он честный и преданный человек. К тому же нашим дамам он кажется слишком привлекательным, поэтому здесь, при дворе, Йен нажил много врагов в лице мужей и отцов.

Мы найдем ему хорошую жену и отправим в Гленкирк в качестве управляющего.

— Как долго мне надлежит оставаться в Сан-Лоренцо, сир?

— Я прошу вас пробыть там всего три года, Патрик. Затем я пошлю туда кого-нибудь вам на смену, и вы сможете вернуться домой. Возьмите с собой семью и слуг. — Яков встал и подошел к окну. — У вас ведь двое детей?

— Да, ваше величество. Сын Адам, которому шесть, и дочь Джанет.

— Ага... — улыбнулся король. — Маленькая рыжеволосая плутовка, которая сегодня довела до бешенства леди Джейн Гордон. Скажите, она помолвлена?

— Сир, ей всего десять.

— Но в этом возрасте многие девицы уже помолвлены. У герцога Сан-Лоренцо есть сын, парень четырнадцати лет. И если ему понравится ваша дочь, мы никоим образом не станем возражать. Однако это — отнюдь не приказ. Ведь он, возможно, окажется увальнем с кривыми зубами. Мне бы не хотелось, чтобы наша шотландская красавица растратила жизнь на болвана!

— Благодарю, ваше величество, — пробурчал Патрик.

— Вы должны быть готовы к отплытию через месяц, — продолжал король. — Сэр Эндрю Вуд распорядится насчет корабля для вас, вашей семьи и челяди. Желаю вам удачи, Патрик...

Аудиенция подошла к концу, и Патрик Лесли, низко поклонившись, вышел из королевских покоев. Голова графа шла кругом. Во-первых, он теперь — посол при дворе герцога Сан-Лоренцо! А во-вторых... Ведь вполне возможен был союз его дочери с наследником одного из королевских домов Европы! Ему бы радоваться, но нет, им овладела печаль — как будто он потерял нечто очень дорогое его сердцу. Черт бы побрал мифическое кельтское наследие, эту склонность к дурным предчувствиям! Пожав плечами, Патрик поспешил к себе, чтобы сообщить новость домашним.

ГЛАВА 2

Герцогство Сан-Лоренцо нежилось под теплым сентябрьским солнцем. Изумрудно-зеленые склоны холмов, плавно спускавшиеся к морю, были испещрены яркими пятнами цветущих растений — красными,

желтыми и оранжевыми, — а на южной стороне холмов буйством пурпурно-фиолетового и золотисто-желтого поражали налитые гроздья виноградников. В долине же, по ту сторону прибрежных холмов, созревающая пшеница с нетерпением дожидалась жнецов.

Примостившаяся на высоте, над самым Средиземным морем, столица герцогства радовала глаз яркими красками; мощенные булыжником улицы карабкались вверх и сбегали вниз мимо домов самых разнообразных расцветок, и ни один не повторял другой. Неслучайно город получил свое имя — Аркобалено, что по-итальянски означало «радуга».

Сверху на город взирал дворец Себастьяна, герцога Сан-Лоренцо, а чуть пониже, обращенная фасадом к морю, стояла вилла розового мрамора, где на ближайšie несколько лет поселился его превосходительство Патрик Лесли, граф Гленкиркский, посол его католического величества Якова Шотландского.

Леди Джанет Мэри Лесли сидела по-турецки на постели и расчесывала свои длинные рыжевато-золотистые волосы. Лукаво сверкали ее зеленые глаза, обращенные на восьмилетнего брата Адама, расхаживавшего по комнате.

— Джан, неужели нельзя поскорее?! — воскликнул мальчик. — Руди дожидается уже почти час!

Джанет рассмеялась.

— Адам, ты можешь идти, если хочешь. Но держу пари, что без меня Руди не сделает ни шагу.

— Ты кокетка, Джанет Лесли! Так и папа говорит! — мальчик с укоризной взглянул на сестру.

— А вам, мастер нахал, позволено поехать с нами лишь потому, что таковы требования приличий, ибо я достигла такого возраста, что меня пора отдавать замуж.

— Ха-ха! — рассмеялся Адам. — Говоришь, замуж? Папа не допустит твоей помолвки с Руди, пока тебе не исполнится хотя бы четырнадцать!

— Мне он ничего такого не говорил.

— Такие вещи с женщинами не обсуждают, — с высокомерным видом произнес Адам.

— Ты подслушивал! О-о... Адам, расскажи, что говорил отец! А я за это подарю тебе одного из щенков Фионы, когда они родятся.

16 — Самого лучшего?

Джанет задумалась. Лучшего щенка девушка собиралась подарить Руди, однако любопытство пересилило, и она кивнула в знак согласия.

Адам же забрался на постель поближе к сестре и заговорщическим тоном проговорил:

— Нет, Джан, я не хотел подслушивать. Просто папа забыл, что я его жду, и я услышал его разговор с герцогом Себастьяном. Отец сказал, что если спросить его, то и четырнадцать — это слишком мало, но он даст согласие на помолвку при условии, что свадьбу справят не раньше, чем тебе исполнится шестнадцать или семнадцать.

— Ты лжец, Адам Лесли!

— Я не лгу! Спроси папу сама!

Джанет стремительно прыгнула с постели. Качнув бедрами, девушка расправила юбку, затем выбежала из спальни. Кипя от возмущения, Джанет бежала по коридору, ведущему в покои отца. Она-то надеялась, что на следующее Рождество объявят о ее помолвке с Рудольфо, наследником герцогства Сан-Лоренцо!

Девушка вихрем пронеслась мимо изумленного слуги и ворвалась в отцовские покои. В этот момент Патрик Лесли лежал в постели, лаская пышногрудую брюнетку с золотистой кожей. Вскочив, он закричал:

— Джанет, тебе ведь говорили, чтобы ты не входила ко мне, не постучавшись!

— Отец, ты бы все равно не услышал. — Джанет с усмешкой сделала реверанс. — Мне нужно поговорить с тобой по делу исключительной важности!

— Выйди! — приказал Патрик лежавшей в постели девушке. Та медленно поднялась, надув губы, а граф добавил: — Только не уходи далеко.

Когда девица вышла, он снова повернулся к дочери.

— А теперь, миледи... Что за важное дело заставило тебя ворваться ко мне в спальню без спроса?

— Адам сказал, будто слышал, как ты говорил герцогу Себастьяну, что не допустишь моей помолвки до тех пор, пока мне не исполнится, по крайней мере, четырнадцать. А свадьба якобы состоится не раньше, чем мне исполнится шестнадцать! Это правда?..

— У твоего брата слишком большие уши и болтливый язык, — проворчал Патрик.

— Значит, это правда?

— Да, Джан.

— Но почему, отец? Почему ты так со мной поступаешь? Четырнадцать — не так уж мало для замужества!

— Я не позволю тебе умереть во время родов — как было с твоей матерью и матерью Адама, — заявил граф.

— Какие глупости! — вспыхнула Джанет. — Я ничем не похожа на Мег — ни лицом, ни фигурой! А что до Агнес, так она была такой хрупкой, что того и гляди, сломается. Женщины из рода Лесли всегда рожали кучу детей! А ведь я — урожденная Лесли! — с гордостью добавила она.

Патрик поморщился. Он обожал свою девочку. И почему время пролетело так быстро?.. Казалось, только вчера она была совсем крошкой, его милой маленькой дочуркой, которая карабкалась к нему на колени, чтобы уговорить рассказать ей сказку. А теперь вот стоит перед ним... Уже не ребенок, — но еще и не женщина, черт возьми!

А Джанет тем временем продолжала:

— Вот, папа, смотри! — Она одернула юбку, туго обтягивая свой плоский живот и бедра. — Бабушка говорит, что я просто создана для материнства. С нею согласны и брат Дундас, и падре Джан!

— Черт бы побрал и твою бабу, и этих болтливых священников! — в раздражении вскричал Патрик. — Я не допущу, чтобы ты вышла замуж в четырнадцать лет! Да и что ты знаешь о браке? Только не цитируй мне катехизис. Думаешь, брак — это сплошные празднества и охотничьи выезды? Что ж, юная леди, позвольте вам сообщить, что это не так. От вас будут ожидать, чтобы вы произвели на свет наследника, причем как можно скорее. А потом вам придется закрепить успех, народив кучу братьев и сестер. И при первых признаках того, что ты ждешь ребенка, тебя заточат в четырех стенах — точно монахиню. А что до Руди, то вряд ли ты будешь видеть его часто. Разве что в постели...

— Это не так! — Джанет топнула ножкой. — Руди — весьма учтивый кавалер до кончиков ногтей!

— Ага. Пока ухаживает за тобой. Но потом, как только брак будет скреплен таинством первой брачной ночи и ты понесешь, он умчится развлекаться с какой-нибудь хорошенькой чертовкой — вроде той, что дожидается

18 сейчас в коридоре!

— Тогда я заставлю его сделать мне ребенка! — с вызовом воскликнула Джанет. — В результате тебе придется нас поженить.

Тут Патрик Лесли, схватив дочь за руки, заглянул ей в глаза и обманчиво спокойным голосом, не предвещавшим ничего хорошего, проговорил:

— На меня нельзя давить, девочка моя. Только попробуй — и я посажу тебя на корабль, отправлю назад в Шотландию и запру в монастыре. С ребенком или без ребенка, но ты останешься там до самой смерти. Неужели ты и впрямь думаешь, что Руди станет тебя ждать? Да он женится хоть на Медичи, хоть на одной из тулузских принцесс. — Отпустив руки дочери, граф обхватил ладонями ее личико в форме сердечка и пристально посмотрел в глаза упрямцы. — Ох, Джен... Мы так мало прожили вместе. Неужели ты уже готова меня покинуть?

— Но отец, я ведь женщина!

— Только очень уж молоденькая, — проворчал Патрик.

— О-о, отец, ты просто невозможен! — вскричала девушка.

Патрик рассмеялся.

— Ладно, плутовка, хорошо. Пойду тебе навстречу, но лишь в том случае, если мой лекарь решит, что ты достаточно сильна и созрела для брака. И если он даст свое согласие... Тогда мы объявим о твоей помолвке незадолго до Рождества, как хочет герцог Себастьян.

Джанет просияла, а граф вновь заговорил:

— Однако свадьба состоится не раньше, чем наступит твой пятнадцатый день рождения.

Подхватив юбки, девушка закружилась по комнате.

— Спасибо, папа! Спасибо! Нужно срочно сказать бабушке и Адаму!.. — Поцеловав отца в щеку, Джанет вылетела из комнаты. — Теперь можешь войти, — бросила она ожидающей в коридоре брюнетке.

ГЛАВА 3

В день помолвки Джанет Лесли рассвет выдался ясным, ярким и теплым. Было шестое декабря, день Святого Николая. Лежа в постели, Джанет наслаждалась последними минутами покоя — то была на-

стоящая роскошь в преддверии напряженного и хлопотного дня. Девушка была очень взволнованна — ведь предстояло сделать последний шаг, после которого возврата уж не будет!

В полдень она под руку с отцом войдет в собор Аркобалено, где епископ официально объявит ее невестой Руди. А в свой пятнадцатый день рождения, всего через два года и несколько дней, она выйдет замуж. При мысли об этом Джанет даже поежилась в сладостном предвкушении.

В спальню вошла горничная Флора и тихо проговорила:
— Пора вставать, госпожа, ванна ждет.

Горничная помогла хозяйке встать с постели и сняла с нее ночную рубашку. Прошлепав босиком по прохладным плиткам пола, Джанет забралась в ванну. Вода благоухала розами. Флора, суровая немолодая женщина, которая опекала Джанет с той поры, как девочке исполнилось четыре, принялась энергично тереть ей спину. Затем, велев встать, облила ее чистой водой, после чего насухо вытерла хозяйку полотенцем и усадила, чтобы подрезать ногти на руках и ногах.

В сопровождении двух девушек-прислужниц в комнату вошла Мэри Маккэй — они принесли платье, в котором Джанет предстояло появиться на церемонии обручения. Это было ее первое «взрослое» платье, и Джанет не терпелось его надеть. Мэри с любовью смотрела на внучку. «Ничего в ней нет от Мег, — думала она. — Чистая Лесли!»

Глядя на свое отражение в зеркале, юная леди Джанет Лесли знала, что она красива. Ее платье было из тяжелого белого шелка с низким прямоугольным вырезом лифа и длинными летящими рукавами. Под платьем же находился корсет с шелковыми нижними юбками. Верхняя юбка спереди расходилась на две половины, расшитые по краям золотыми цветами; а вставка между половинами сияла шелком девственной белизны. Вверху полы платья были сколоты брошью из золота, топазов и алмазов — то был подарок Руди своей невесте.

Флора накинула на плечи девушки бархатную накидку цвета топаза. Бабушка же в последний раз пригладила волосы Джанет — распущенные в знак того, что она девица, — а затем надела ей на голову маленькую шапочку из

20 золотой сетки.

Патрик Лесли был не менее великолепен в костюме из темно-зеленого бархата. При виде дочери его сердце болезненно сжалось. «Чертов Яков Стюарт!.. — подумал он. — Если б не он, этой помолвки бы не случилось». Но в глубине души граф понимал, что все равно потерял бы дочь рано или поздно — будь то Рудольфо ди Сан-Лоренцо или какой другой парень. Утешало лишь одно: до свадьбы оставалось еще добрых два года.

— Ты настоящая красавица, моя дорогая, — сказал граф.

Джанет улыбнулась, подавая отцу руку. А затем он повел ее к стоявшим наготове лошадям.

Для декабря день выдался на редкость теплым, а в соборе с его толстыми каменными стенами царила удушливая влажная жара. Старый епископ монотонно говорил что-то нараспев — куда дольше, чем следовало бы, и Джанет про себя возблагодарила небеса за то, что запретила служить по такому случаю торжественную мессу. Она заявила, что торжественная месса годится для свадьбы, а не для скромной церемонии обручения.

Наконец, слава Богу, все закончилось. Они с Руди подписали официальный документ — брачный контракт — и покинули собор. На верхней ступеньке широкой мраморной лестницы будущие супруги — тоненькая рыжеволосая девушка и высокий кудрявый юноша — однако же задержались, и жители Сан-Лоренцо приветствовали радостными криками.

Загорелое лицо Руди озарилось улыбкой.

— Я приготовил вам подарок, — сказал он.

— Подарок? Но я думала, что брошь и была вашим подарком на обручение!

— И она тоже. Это традиция. Но я выбрал для вас и еще кое-что...

Джанет улыбнулась.

— Что же именно?

— О, это сюрприз, — ответил юноша и повел невесту вниз, чтобы посадить на лошадь. — Вы увидите подарок, когда мы вернемся во дворец. Однако уверяю, у вас никогда не было ничего подобного. Вам позавидует любая женщина в Сан-Лоренцо!

Жених с невестой поскакали вверх по холму, на котором стоял дворец, где им предстояло принять

поздравления от всего герцогского семейства, священников и прочих знатных жителей страны. Позже, когда они остались в окружении одних только ближайших родственников, Руди обнял невесту за тонкую талию и с улыбкой произнес:

— Говорил ли я вам сегодня, что люблю вас?

— Только сегодня?

— Каждый день, моя дорогая! — Руди поцеловал девушку в ушко, и та покраснела, а он рассмеялся. — Вы сделали много скромнее, став моей официальной невестой! Я нахожу это просто очаровательным.

— Рудольфо! — громогласно воскликнул герцог. — Полагаю, сейчас самое время преподнести подарки нашей Джанетте! — Он хлопнул в ладоши, и вошли слуги, целая процессия, причем каждый из них нес перед собой поднос с какой-нибудь шкатулкой и букетом цветов.

Джанет приятно позабавила присутствующих, когда вскрикнула, не в силах сдержать своего восторга.

— Теперь-то вы видите, отчего я так противился ее замужеству в столь раннем возрасте, — с усмешкой сказал Патрик, обращаясь к герцогу Себастьяну.

— Замужество заставит ее повзрослеть, — возразил герцог.

В обитом белой кожей маленьком сундучке, к которому в первую очередь потянулась рука Джанет, обнаружили жемчуга семьи Сан-Лоренцо — традиционный дар правящего герцога будущей невестке. Герцогиня же подарила ей шкатулку красного сафьяна, в которой лежали туалетные принадлежности — два гребня, щетка для волос и зеркало в золотой оправе; а в золотой коробочке находились черепаховые заколки. Еще здесь были три флакончика из венецианского хрусталя; один благоухал розовой водой, другой — лавандой, а в третьем находился редкостный восточный мускус. В мешочке же бледно-голубого бархата лежали свечи из чистого белого воска, а также подсвечник из золота и хрусталя.

Юный Адам преподнес сестре золотое кольцо с гербом рода Лесли и выгравированной внутри надписью — «Моей дорогой сестре Джанет от Адама». Она тотчас подошла к нему и, поцеловав в щеку, сказала:

— Ты замечательный брат, мой дорогой Адам.

Покраснев от смущения, мальчик вырвался из ее объятий, и Джанет продолжила рассматривать по-

дарки. На последнем подносе лежало украшенное нарядным тиснением кожаное седло.

— О, Руди! — воскликнула девушка. — Какое чудесное седло!

— Но оно не от меня, дорогая! Это подарок вашего отца.

— К седлу прилагается и еще кое-что... — с улыбкой произнес граф. — Выйди-ка на террасу, дорогая, и погляди, что приготовила для тебя бабушка.

Все вышли на террасу и увидели прекрасную белую кобылку, которую держал под уздцы молодой чернокожий мужчина в ярко-красных атласных шароварах, желтом тюрбане с белым пером и золотой серьгой в левом ухе. Его обнаженная грудь, смазанная маслом, блестела на ярком солнце.

— Кобылку зовут Мальва, — сообщил Патрик.

— А это, — подхватил Руди, положив руку на плечо чернокожего парня, — это Мамуд. Он обращенный в христианство африканец и мой особенный подарок для вас, дорогая. Я купил его у капитана торгового судна, которое бросило якорь у нас в гавани на прошлой неделе. Мамуд оскроплен. То есть он евнух.

Джанет пришла в восторг от африканца, а вот Мэри Маккэй — нет. Более того, она была в ужасе!

— Черный, как ворон! Наверняка он принесет нам несчастье, — заявила бабушка. — О чем только думал господин Руди, когда преподнес тебе, Джанет, такой подарок?

Мамуд исподлобья буравил старую шотландку своими быстрыми черными глазами, немедленно записав ее в свои враги. Девушка же воскликнула:

— Не смейся, бабушка! Мавры все больше входят в моду!

— Одно дело, если б это был ребенок, — стояла на своем старушка. — Но взрослый?.. Оскропленный он или нет, — но мне его вид совсем не нравится...

В тот вечер Джанет долго стояла на балконе и смотрела на расстилавшееся внизу море. День выдался долгий, и она радовалась, что он, наконец, подошел к концу. Рваная стрела молнии пронзила небо, а затем грянул гром, эхом прокатившийся по окрестным холмам. Было ясно: скоро хлынет дождь, который принесет прохладу после изнурительной духоты.

Джанет вернулась в комнату и бросилась на кровать. Закрыв глаза, она приказала себе расслабиться.

Сегодня вечером с ней случилось... нечто особенное — она вдруг поняла, что Руди, как и ей, ужасно хотелось побыстрее заключить настоящий брак.

Они тогда сидели в герцогском саду, и Руди, который прежде ограничивался поцелуем в щечку время от времени, теперь обнял ее за талию и поцеловал прямо в губы. Сначала Джанет изумилась и даже немного испугалась, однако Руди прошептал ей что-то ласковое на ухо, и она позволила ему второй поцелуй. Ее невинная страстность подстегнула его пыл, и она внезапно почувствовала, как руки жениха осторожно ласкают ее груди. Более того, она будто со стороны услышала стон, тихо сорвавшийся с ее губ. А потом все тело ее сделалось горячим... и странно ослабевшим. Но тут громкие крики Адама и младших братьев Руди, затеявших неподалеку какую-то шумную игру, вернули ее к действительности, и девушка отпрянула, охваченная внезапным страхом.

Руди же многозначительно улыбнулся и проговорил:

— Так долго ждать дня нашей свадьбы, Джанетта...

— Знаю, — вздохнула она. — Однако отца не переубедить.

И вот сейчас, заново переживая эти мгновения в своей спальне, Джанет думала о том, что отец, возможно, был прав. Да, она ужасно любила Руди, однако он пробудил в ней чувства, с которыми ей, наверное, пока что не справиться... Возможно, она действительно еще слишком молода, и, следовательно...

Может быть, попросить отца, чтобы отодвинул дату свадьбы? Или не стоит? Что ж, у нее еще много времени в запасе, так что она успеет все обдумать.

Внезапно хлынул проливной дождь, яростно барабанивший по красной черепице крыши. Перевернувшись на живот, Джанет сладко зевнула и через несколько минут погрузилась в сон.

ГЛАВА 4

Вскоре пролетело Рождество, и одна тысяча четыреста девяносто третий год от Рождества Господня вступил в свои права, а затем начались праздники с их пирами и увеселениями — счастливые времена! Уже

24 не ребенок, но еще и не взрослая женщина, Джанет

Лесли должна была теперь учиться обязанностям будущей герцогини Сан-Лоренцо. Она вместе с Руди появлялась на всех официальных и церковных церемониях, а в день Рождества раздавала милостыню беднякам Аркобалено.

Под руководством бабушки Джанет также училась обязанностям хозяйки дома. Да-да, ведь ей придется надзирать за слугами и ведать запасами провизии в замке, когда она станет герцогиней Сан-Лоренцо! Придется следить, чтобы слуги исправно делали свою работу, и заботиться о пропитании всех обитателей замка — семьи, приживалов и слуг, а также солдат. Нужно было научиться заказывать съестные припасы, что предполагало и знание многочисленных рецептов; следовало, например, понять разницу между ординарными винами и благородными напитками, приличествующими утонченному вкусу знатных господ.

Однако оказалось, что труднее всего — это держать слуг в строгости и послушании. По природе своей Джанет была слишком мягкосердечна, и прислуга это знала. Однажды ей довелось подслушать разговор двух юных посудомоек, одна из которых жаждала пойти на карнавал с подручным мясника.

— Ты ей просто скажи, — наставляла первая, — будто хочешь съездить домой и навестить больную матушку. Она тебя пожалеет и не станет задавать вопросов.

Джанет вскипела. Выходит, ее тут считали дурочкой! Но гнев быстро улегся, и верх взял добрый шотландский здравый смысл. Когда девушка с кухни попросила отпустить ее к больной матери, Джанет была само сострадание.

— Разумеется, нужно поехать домой, — сказала она и вызвалась сопровождать девушку, а также посоветовала ей прихватить с собой корзину с угощением, дабы ускорить выздоровление болящей.

Юная служанка пришла в ужас. Как отказать хозяйке, которая была к ней так добра? В конце концов девушка разрыдалась и призналась в обмане. Джанет послала на кухню за второй девицей, а потом вынесла приговор обеим.

— Ты, — сказала она плачущей служанке, — получишь пять ударов плетью за то, что солгала мне. Это легкое наказание, однако пусть твое раскаяние терзает тебя сильнее, чем боль в спине! Знаю, что ты мне больше

не солжешь. Если бы ты сказала, что хочешь пойти на карнавал, я бы тебе разрешила — конечно, при условии, что ты сделала бы всю работу.

Девушка бросилась на колени, целуя подол платья своей госпожи. А Джанет, повернувшись ко второй девице, строго сказала:

— Твой проступок гораздо серьезнее. Ты подначивала подругу обмануть меня. Поэтому вечером, когда ты закончишь работу, тебе дадут десять ударов плетью. А ночь ты проведешь в молельне и будешь просить Деву Марию, чтобы помогла тебе исправиться. Я же буду молиться вместе с тобой — дабы ты избежала соблазна заснуть. А если впредь кто-то из слуг осмелится меня обмануть, то я тут же выгоню его.

Девушки отлично усвоили урок, да и Джанет кое-чему научилась. Она больше никому не давала поблажек. Баловали лишь чернокожего Мамуда.

Мавр действительно оказался ценным приобретением. По-итальянски он говорил лучше день ото дня и часами забавлял Адама, рассказывая сказки и истории своей родины. Кроме того, он показывал, как выслеживать и ловить мелких животных, и даже обучал мальчика арабскому языку. На эти уроки являлась и Джанет, потому что ей нравилось изучать языки. Ученицей же она была весьма способной.

И еще Мамуд превосходно владел ремеслом моряка, поэтому как-то раз, солнечным днем в начале февраля, Джанет — ей было трудно заснуть во время обязательной в здешних краях сиесты — послала за ним, чтобы прокатиться на лодке по морю. Проходя мимо спальни Адама, она заглянула к нему, чтобы полюбоваться на сладко спавшего брата. Поцеловав его рыжую макушку, она вышла, затем остановила слугу на ступеньках террасы и произнесла:

— Скажи бабушке, что я хочу прокатиться по морю с Мамудом. Вернусь к закату.

Слуга кивнул, а девушка спустилась на пляж, где уже дожидался Мамуд, готовый столкнуть маленькую лодочку в набегающие волны прибоя.

Дул ласковый ветерок, и море цвета чистой лазури с танцующими пиками белоснежной пены сверкало на ярком солнце. Джанет заметила, что в уголке лодки стояла корзинка с белым хлебом, желтой головкой

сыра, фруктами и флягой вина. Она похвалила мавра за предусмотрительность, и в ответ парень сверкнул улыбкой, казавшейся на его черном лице ослепительной.

Они приплыли в любимую бухточку Джанет, и она подала Мамуду знак, чтобы спустил парус. Лодочка уткнулась носом в песок, и девушка, схватив корзинку, вышла на берег.

— Желаете поплавать, миледи? — спросил мавр.

— А ты, Мамуд?

— Да, госпожа. Я люблю море.

Джанет указала на полоску уединенного пляжа неподалеку.

— Тогда ступай туда.

— Но госпожа, я должен стеречь вас. Вдруг вы утонете?

— Я хорошо плаваю, и тебе нечего бояться, мой добрый Мамуд! Иди же.

Слуга с неохотой покинул ее, и она поспешно сбросила одежду — простую крестьянскую юбку и корсаж. Прохладная морская вода покалывала кожу, когда Джанет медленно поплыла, отдаваясь на волю ласкового морского течения, уносившего ее вдаль. Через некоторое время, развернувшись, она поплыла к берегу и вскоре бросилась на теплый песок. Распустила волосы, выжала из них воду и снова заплела в косу. Кожа уже успела обсохнуть, и Джанет надела юбку и корсаж.

Неподалеку Мамуд плескался в волнах, точно дельфин. Когда он вышел на пляж, девушка велела ему сесть, затем подняла крышку корзинки и выложила нехитрую снедь на салфетку.

Послеполуденное солнце приятно согревало, а вино было сладким и вкусным. Попивая его, Джанет разглядывала сидевшего чуть в сторонке чернокожего парня. Обычно она бывала очень общительна и любопытна; к этому моменту ей бы давно уже полагалось выведать у Мамуда его историю вплоть до прадедушек и прабабушек, да только недавнее возвышение — как-никак будущая герцогиня Сан-Лоренцо! — занимало все ее время. Теперь Мамуд гораздо больше времени проводил с Адамом, и брат-то наверняка знал о нем все.

И тут Джанет вдруг поняла, что больше не может сдерживать любопытство.

— Мамуд, — начала она, — я хотела бы узнать о твоей прошлой жизни. Ты родился рабом?

— Нет, госпожа. В своей стране я был сыном вождя. Но однажды на нашу деревню напали мусульмане-работорговцы. Меня взяли в плен, когда я спасал свою жену и сына. Они теперь в безопасности, и это единственное, что меня утешает.

— У тебя была жена? Тогда ты не можешь быть евнухом.

— Работорговец сказал так господину Рудольфо, чтобы он меня купил.

— О-о... понятно... — протянула девушка.

А раб рассмеялся и сказал:

— Миледи нечего опасаться. По меркам моего племени вы на редкость безобразны.

Секунду-другую Джанет в изумлении тарасилась на мавра. Потом рассмеялась и проговорила:

— Пусть это будет нашей тайной, Мамуд. И поверь, я найду способ вернуть тебе свободу!

— Спасибо, госпожа. Ради свободы я готов на все!

Через некоторое время, подхватив корзину, Мамуд помог своей юной хозяйке сесть в лодку и вывел суденышко в море. Затем поставил парус и повернул руль, чтобы поймать ветер. Солнце уже вступило на предзакатный путь, готовясь кануть в волны Средиземного моря. Держась поближе к берегу, Мамуд взял курс на Аркобалено. Обогнув небольшой мыс, они увидели в бухте корабль, который, очевидно, зашел сюда, чтобы набрать воды. Мамуд направил лодку прямо к кораблю.

— Что ты делаешь, Мамуд? У нас нет времени напрашиваться к ним в гости, — сказала девушка. — Кроме того... не похоже, что это торговое судно. Поворачивай лодку.

Но раб смотрел прямо перед собой, крепко вцепившись в румпель.

— Мамуд!.. Я приказываю тебе немедленно повернуть лодку. Солнце скоро зайдет. Мы должны добраться домой до темноты.

— Госпожа, вы не вернетесь домой. Я же вам сказал, что готов на все — лишь бы снова стать свободным. Я отдам вас работорговцу, и его золото поможет мне купить свободу.

Джанет тотчас же набросилась на мавра, точно кошка и попыталась выхватить руль. Она боролась отча-

янно, но Мамуд, который был гораздо сильнее, опрокинул ее на дно лодки. Упав на спину, девушка ударилась головой о борт. Увы, удар оказался слишком силен, и бедняжка провалилась в темноту. И где-то в этой темноте послышался глухой стук, а потом ее подхватили чьи-то руки. Некоторое время Джанет словно плыла в пустоте... После чего снова возникло ощущение чужих рук...

Приходя в сознание, Джанет почувствовала качку. И так, она находилась на борту корабля. Неподалеку раздавались голоса, и девушка, приоткрыв глаза, осмотрелась. Она лежала на диване в довольно просторной каюте. Рядом с ней находилось небольшое оконце, за которым плескалось море. И в некотором отдалении виднелся берег Сан-Лоренцо. Судя по всему, корабль все еще стоял на якоре.

Чуть повернув голову, Джанет увидела Мамуда и еще одного мужчину — он был белый, но одет в точности как ее раб. Мужчина и Мамуд о чем-то беседовали, и Джанет, напряженно прислушиваясь, старалась не пропустить ни слова.

— Как ты объяснишь исчезновение девушки ее отцу? — спросил белый мужчина.

— Скажу, что на нас напали пираты. Я храбро сражался, чтобы спасти госпожу, но силы были неравны, и меня бросили в море. Придется твоим людям надавать мне тумачков, чтобы я казался избитым. Я выплыву на берег и добреду до дворца. А лодку надо перевернуть...

— План-то у тебя хороший, — но что это тебе даст, кроме денег, которые я заплачу тебе за девчонку?

— Граф — человек очень чувствительный, и он не захочет, чтобы я оставался возле него, напоминая о дочери. В общем-то, он противник рабства и, скорее всего, решит, что лучше меня освободить, чем видеть как напоминание о своей драгоценной доченьке. Я уверен, что граф так и поступит. Он дарует мне вольную грамоту, а ты заплатишь мне. С этими деньгами я сумею благополучно вернуться на родину.

Решив, что услышала достаточно, Джанет вскочила с дивана и метнулась к двери. Она была уже у самого борта — хотела броситься в море, — когда чьи-то сильные руки крепко обхватили ее поперек туловища и потащили обратно в каюту (оказалось, что это был предатель-мавр).

— Негодяй, свинья! — закричала Джанет, впиваясь ногтями в лицо Мамуда.

— Ты продал мне тигрицу, Мамуд! — расхохотался капитан-работорговец, грубо хватая девушку. — Уймись, миледи. Никто не причинит вам вреда.

Джанет обернулась к капитану.

— Какой выкуп вы хотели бы получить? Мой отец заплатит столько, сколько скажете! Да знаете ли вы, кто я такая? Наверное, этот лживый раб вас обманул! Поверьте, я вовсе не смазливая простолюдинка, а леди Джанет Мэри Лесли, дочь лорда Патрика Лесли, графа Гленкира. Мой отец — посол его католического величества Якова Шотландского при дворе Сан-Лоренцо! И я помолвлена с Рудольфо, наследником герцога Себастьяна!

— Миледи, ваш титул и связи производят впечатление. Однако выкупа не будет. Вас отвезут на Крит, где продадут с аукциона тому, кто заплатит самую большую цену. Никакой выкуп не сравнится с тем, сколько за вас дадут там, на торгах!

Джанет, повернувшись к Мамуду, воскликнула:

— Как ты мог?!

— Мне искренне жаль, госпожа, но я ведь сказал вам, что пойду на все — лишь бы снова стать свободным. Я — подарок вашего жениха. Как вы сможете освободить меня, не оскорбив его? Тут требуется настоящее чудо, а я не верю в чудеса.

— Надеюсь, мой отец узнает о том, что ты сделал, Мамуд! И тогда пощады не жди...

Мавр ухмыльнулся, и тут Джанет, бросившись вперед, с силой ударила его в лицо, так что кольцо — подарок Адама — до крови рассекло кожу у него под глазом. Капитан тотчас кликнул слугу, и тот, ворвавшись в каюту, заломил Джанет руки за спину. Она хотела закричать, но не успела — капитан бросил что-то в бокал с водой и насильно влил питье в рот девушке. Милосердное забытие не заставило себя ждать.

Первое, что она отметила, придя в себя, — это мерное покачивание корабля из стороны в сторону. Некоторое

30 время Джанет лежала неподвижно — словно убаюканная ложным ощущением безопасности. Потом,

вспомнив о произошедшем, девушка поднялась с дивана и стала изучать свою тюрьму.

Просторная каюта была убрана на восточный манер — толстый ковер на полу и огромный диван, заваленный подушками. Кроме того, тут имелся круглый столик с инкрустацией, а с потолка свисали несколько медных ламп.

Выглянув в окошко, Джанет увидела лунный свет, проливавшийся с небес прямо в воды темного ночного моря. Вернувшись в глубину каюты, девушка обнаружила на столике вино и бокал. И в тот же миг она поняла, что умирает от жажды. Плеснув себе щедрую порцию, Джанет залпом осушила бокал. Огненная жидкость разлилась по телу, и ей сразу стало тепло. Скрежет засова заставил ее поспешно обернуться. Когда же дверь открылась, Джанет с силой запустила бокалом в человека, стоявшего в дверном проеме.

— Ваша решительность производит не меньшее впечатление, чем ваша несравненная красота, юная леди! А теперь, если соблаговолите поумерить пыл, мы сможем побеседовать. Капитан Джанкарло Венутти к вашим услугам, ми-леди.

— Вы разбойник и негодяй, капитан Венутти! — закричала девушка. — Если вы действительно желаете оказать мне услугу, немедленно верните меня в Сан-Лоренцо! Я лично гарантирую вам неприкосновенность и щедрое вознаграждение.

Но капитан Венутти, казалось, не слышал ее.

— Леди Джанет, — проговорил он, — я плаваю под защитой Венеции, а сейчас мы направляемся в Кандию, что на острове Крит. Там вас продадут с аукциона за самую высокую цену, и весьма существенная часть вырученных за вас денег поступит в казну Венеции.

— Но герцог Сан-Лоренцо заплатит огромный выкуп, если вы вернете меня в целостности и сохранности!

— Мы, работоторговцы, — деловые люди, а не похитители, — продолжал капитан. — И поэтому... Моя дражайшая леди, неужели вы сами не понимаете, насколько вы красивы? Всех денег Сан-Лоренцо не хватит, чтобы купить вам свободу. Вы достойны сокровищ королевской казны — и хватит об этом. Прошу вас, не истощайте понапрасну силы, пытаясь сбежать. Мы надежно стережем вас, поверьте. Надеюсь, вам будет здесь удобно. Если

пожелаете чего-нибудь — просто попросите раба, который будет дежурить у двери.

С этими словами капитан вышел, заперев за собой дверь.

Шесть дней корабль скользил по спокойным водам Средиземного моря. Капитан Венутти предоставил Джанет некоторую свободу, разрешив ей выходить на верхнюю палубу, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом. Отвлекая девушку от мыслей о ее горестном положении, он рассказывал ей об островах, мимо которых лежал их путь. Рассказывал о плодороднейшем Корфу — втором по величине из островов Ионического моря. Рассказал и о горе Аэнос — самой высокой точке гористой Кефалонии. Проплывали они и мимо крошечного островка Занте, обитатели которого умудрялись не только разводить овец и коз, но еще и выращивали виноград, оливки, пшеницу и разнообразные фрукты. И, разумеется, возник у них на пути и Пелопоннес, ныне находившийся под властью турок. Здесь, кроме винограда и оливок, производили также табак, и тут же процветало производство шелка. Кроме того, тут базировалась целая рыболовецкая флотилия.

А вечером шестого дня корабль достиг Кандии. Приятное путешествие подошло к концу, и Джанет пришлось взглянуть в лицо страшной действительности.

— Возможно, мне никогда больше не удастся увидеть своих родных, — прошептала она со вздохом.

ГЛАВА 5

Узнав об исчезновении дочери, лорд Патрик Лесли обезумел от горя и ярости. Просчитался раб Мамуд, который явился из того мира, где женщины ценились меньше, чем скот! Благородный шотландский лорд и не подумал вознаградить раба за то, что тот якобы сражался как лев, пытаясь спасти свою юную госпожу. И он не одал его золотом и не даровал свободу — напротив, заковал в цепи и бросил в подвал замка, намереваясь подробно расследовать обстоятельства похищения. В одном оказался прав Мамуд — Патрик Лесли убрал-таки его подальше с глаз!

32 Палачи герцога Себастьяна допросили Мамуда со всей тщательностью и величайшим старанием. Пер-

вым делом они обнаружили, что никакой он не евнух — какое упущение, впрочем, быстро исправили.

Потом его пытали, и кое-кто внимательно наблюдал за пытками, не принимая в них участия. Мэри Маккэй неподвижно стояла в своем неизменном черном шелковом одеянии и накрахмаленном чепце, крепко сжимая пальцами концы клетчатой шали, которую накинула на плечи, дабы уберечься от промозглой сырости подземелья. Старуха не сводила с лица Мамуда своих пронзительных голубых глаз. Раба всегда до смерти страшили светлые до прозрачности глаза старой шотландки; ему казалось, что они видели то, что не полагалось видеть глазам смертного. Более того, казалось, что она все знала и лишь дожидалась его собственного признания...

С помощью раскаленных докрасна щипцов палачи начали вырывать ногти на ногах Мамуда. Тот дико вопил, вознося мольбы своим языческим богам, а мучительная боль разрывала ему ноги, поднимаясь все выше. По телу же его градом катился пот. В какой-то момент он закрыл глаза, пытаясь отрешиться от боли. Когда же открыл их, то обнаружил, что старуха стоит возле него. Она впиалась взглядом в его глаза, и он почувствовал, как уходит то последнее, что еще связывало его с жизнью.

— Что ты сделал с моей внучкой? — спросила старуха. — У кого она?

Но Мамуд не собирался отвечать. Ему хотелось лишь проклинать старую ведьму. Но и этого он сделать не мог — внушавшие ужас голубые глаза обладали такой колдовской силой, что парализовали его волю.

— У кого теперь моя внучка? — допытывалась она.

— У капитана Венутти, — услышал Мамуд собственный хриплый голос будто со стороны. — У капитана Джанкарло Венутти, из Левантийской Венеции.

Тут старуха дотронулась до его груди, и по его телу прокатилась дрожь агонии.

— А теперь прощай, парень, — сказала она, когда он испустил дух.

Признание Мамуда получило подтверждение, когда некий капитан, чей корабль следовал с Крита и зашел в Сан-Лоренцо за водой, болтал в таверне о юной

рыжеволосой христианской девушке, которую через месяц предполагали продать с аукциона. Представ перед герцогом и шотландским послом, капитан повторил рассказ мавра слово в слово.

— Слух пустили по всему Средиземноморью, — говорил капитан. — Это, знаете ли, известный трюк — чтобы привлечь на аукцион побольше покупателей. Да-да, владельцем девушки-рабыни является капитан Венутти из Левантийской Венеции. И она — трофей, добытый им в результате пиратского набега. И еще говорят, что она исключительно красива. Чертов Венутти! Вечно ему достается лучший кусок!

Патрик Лесли скрежетал зубами в бессильной ярости. Чтобы спасти дочь, он бы снарядил боевой корабль и разрушил бы Кандию до основания, но хозяином тут был герцог Себастьян. Для него, рожденного на берегах Средиземного моря, подобное было не в новинку, и он лучше знал, что делать в подобных случаях. Герцог обещал послать на аукцион своего кузена Пьетро ди Сан-Лоренцо, чтобы тот выкупил девушку.

«Если девицу спасут, — рассуждал про себя герцог, — я окажусь в большой милости у шотландского короля. А если нет — никто не посмеет меня упрекнуть, и неприятная ситуация, которая наверняка осложнит отношения между моим герцогством и Шотландией, вскоре будет забыта», Да-да, возможно, его хитрый кузен сумеет вернуть девицу домой. Однако герцог очень сомневался в успехе, хотя и не говорил об этом шотландскому послу. Но в любом случае о браке юной леди Джанет с наследником герцогского трона теперь и речи быть не могло. Одному Богу ведомо, что могло стать с девушкой за время плена. Конечно, он, герцог, — человек широких взглядов, однако честь герцогини Сан-Лоренцо не должна вызывать подозрений. Из Тулузы как раз пришло письмо, намекавшее на возможность брака с тамошней принцессой. А сам он втайне расспросил своего архиепископа — мол, нельзя ли аннулировать помолвку сына с юной шотландкой? Разумеется, мысли эти герцог Себастьян держал при себе.

Повернувшись к Патрику Лесли, он проговорил:

— Идемте, друг мой. Даст Бог — все закончится хорошо.

Граф Гленкирк, словно прочитав мысли коварного герцога, бросил на него взгляд, исполненный безмолвной ярости, но ничего не сказал.

ГЛАВА 6

Несколько недель спустя Джанет сидела в алькове в дальней комнате при аукционе. Сидела очень тихо и почти неподвижно, — но вовсе не потому, что внешне сделалась послушной, а из-за того, что еще не оправилась от удара; ее юное сердце не могло принять предательство Мамуда, а смахивавший на бегство морской переход из Сан-Лоренцо в Кандию привел девушку в состояние оцепенения.

Однако никаким наказаниям ее не подвергали, — напротив, прилагались всяческие усилия ради ее хорошего здоровья и удобства. Капитан Венутти перевез Джанет с корабля в дом Абдула бен Абдула, поставщика самого лучшего товара в мире — так отрекомендовался сам Абдула. Почти месяц ее холили и лелеяли, а тем временем по Средиземноморью пошла молва о девственнице с золотисто-рыжими волосами, которая будет выставлена на продажу с аукциона в следующее полнолуние.

А пока что Джанет тщательно оберегали от солнечных лучей, а также омывали ее тело благоуханными водами и натирали соком лимона, чтобы вернуть коже природную белизну. Кроме того, ее ежедневно массировали и натирали благовонными мазями, так что кожа ее сделалась на ощупь мягкой, точно шелк. После таких процедур былой загар мало-помалу исчезал, уступая место естественной белизне уроженки Севера.

Когда же наступил вечер, рабыни переодели девушку в странный наряд. Прозрачная ткань бледно-золотистого тона, закрывавшая все ее тело от ключиц до пят, ниспадала изящными складками. Ткань была перехвачена на талии зеленой лентой и крепилась к плечам лентами такого же цвета. Волосы же, собранные в «хвост», заколотые жемчужной пряжкой и пущенные вдоль спины, скрыли под длинной золотистой вуалью. Вторая вуаль закрывала также ее лицо, так что на виду оставались лишь подведенные сурьмой ярко-зеленые с золотистыми крапинками глаза.

Впрочем, Джанет держалась храбро. Надежду ей дал визит Пьетро ди Сан-Лоренцо, двоюродного брата герцога Себастьяна, который был послан, чтобы купить ей свободу. Он прибыл на быстроходном корабле из Аркобалено и, подкупив главного евнуха в доме Абдула бен Абдула, получил дозволение поговорить с нею несколько минут. Пьетро привез с собой немалый груз золота, которого, по его заверениям, наверняка хватит, чтобы вернуть Джанет свободу. Сожалел Пьетро лишь о том, что столь высокородная дама будет выставлена на аукционный помост на всеобщее обозрение. Но тут уж ничего не поделаешь!

Однако на душе у Пьетро ди Сан-Лоренцо было неспокойно. Молва о прекрасной Джанет Лесли распространялась очень быстро! С Востока уже прибыли несколько очень важных покупателей. Говорили даже, будто ожидался приезд Хаджи-бея, посланника самого турецкого султана! Впрочем, Пьетро решил, что Абдула выдавал желаемое за действительное в надежде получить возможно больший куш. И все-таки он истово молился о спасении будущей невестки. Ведь в случае удачи его, Пьетро, ждала немалая награда! А если он упустит девушку... О, тогда на его страну обрушится гнев и лорда Патрика Лесли, и самого короля Шотландии.

Джанет вздрогнула и подняла голову — чернокожий евнух дотронулся до ее руки.

— Идем, юная леди. Торг вот-вот начнется. Я немного отодвину полог, чтобы ты собственными глазами увидела, какие знатные господа прибыли сюда, привлеченные твоей красотой!

Молча кивнув, Джанет проследовала за евнухом, затем бросила взгляд в щель между занавесями и увидела небольшой зал, в центре которого возвышался помост. А стены там были покрыты фресками с изображением животных, мужчин и женщин, занятых какими-то делами — но смотреть на них было неинтересно. Кроме того, в комнате находились двенадцать мужчин, среди которых был и Пьетро ди Сан-Лоренцо.

— Почему купцов так мало? — спросила она евнуха.

Евнух осклабился и проговорил:

— Мой хозяин Абдула бен Абдула — да хранит Аллах

36 его дни — выставил за тебя начальную цену в пять

тысяч золотых. Ты не по карману простому погонщику верблюдов!

Джанет фыркнула, и ей почему-то захотелось рассмеяться. Но тут в комнату заглянул Абдула бен Абдула, и евнух быстро вывел девушку в зал и помог ей подняться на помост. Взгляды всех присутствовавших тотчас устремились на возвышение, где стояла Джанет Лесли. И ей сделалось очень не по себе...

Взяв девушку под локоть, Абдула бен Абдула вывел ее на самую середину помоста и тихо сказал:

— Язык торгов — французский. Так что ты, наверное, все поймешь.

— Вы зря теряете время, пытаетесь унижить меня, — заявила Джанет. — Меня купит Пьетро ди Сан-Лоренцо, и я вернусь к отцу.

— Упаси Аллах, — ответил работороговец и, повернувшись к собравшимся, громко проговорил: — Друзья, мы начинаем самый знаменательный торг этого года! Перед вами знатная девица — девственница с волосами как золотое солнце на рассвете, с кожей белой и гладкой, точно полированная кость, и с глазами цвета изумрудов. Смотрите же, господа! — Он проворно снял вуаль с головы Джанет. — Начальная цена — пять тысяч золотых. Кто предложит свою цену?

— Пять тысяч, — раздался чей-то голос.

Абдула бен Абдула улыбнулся, а тот же голос пояснил:

— Посланник египетского султана готов дать пять тысяч!

И тут предложения посыпались одно за другим — шесть тысяч, семь, восемь, девять, десять тысяч золотых!

— Господа!.. — воскликнул Абдула бен Абдула. — Господа, вы наносите оскорбление моему дому, предлагая жалкие десять тысяч золотых! Ведь перед вами — редкая и бесценная жемчужина, гурия, способная украсить гарем самого пророка! Эта девица никогда не знала мужчины. — Его вялая рука мягко скользнула по животу Джанет, и девушка отшатнулась и вздрогнула от отвращения. — Она выносит множество крепких сыновей!

— И у тебя есть доказательство ее девственности?! — выкрикнул кто-то.

— Конечно, — сказал Абдула. — Покупатель получит свидетельство, подписанное тремя медиками.

Если выяснится, что они мне солгали, я верну покупателю уплаченные за нее деньги — верну в тройном размере! И, разумеется, девушка останется у него.

По залу пробежал одобрителный гул, и все закивали. Абдула бен Абдула пользовался славой честного купца, но все знали, что он — не из тех, кто легко расстанется хотя бы с одним динаром. Поэтому торг возобновился.

Собравшись с духом, Джанет, наконец, осмелилась взглянуть в лица тех, кто желал ее купить. Посланник египетского султана ответил ей ледяным взглядом, и она поспешила отвести глаза. В этом человеке было нечто настолько зловещее, что к ее горлу подступила тошнота. Зато посланник багдадского калифа показался ей похожим на встревоженную черную сову, и она едва не рассмеялась. Но девушка вздрогнула и похолодела, стоило взглянуть на человека, которого напыщенный евнух, ее провожатый, назвал «принцем Самарканда». Жестокие монгольские глаза жадно разглядывали ее, и его откровенное сладострастие наводило ужас. Джанет тут же перевела взгляд на доброе лицо Пьетро ди Сан-Лоренцо, и тот кивнул ей, чтобы приободрить. Но Пьетро еще не называл своей цены...

Тут по знаку Абдулы евнух развязал ленты на ее плечах, и туника спала, обнажив девушку до пояса. В зале воцарилось молчание — все с жадностью разглядывали прекрасные груди девушки с розовыми бутонами сосков.

Абдул же, наследник мудрости своих семитских предков, позволил собравшимся целую минуту любоваться девичьими престеями. Затем произнес:

— Новая цена за этот изысканный, но нераскрытый бутон составляет пятнадцать тысяч. Кто даст больше?

И снова последовали предложения — шестнадцать тысяч, семнадцать, семнадцать тысяч пятьсот!

Тут Абдула вновь подал знак евнуху, и тот потянул за ленту на талии Джанет. С тихим шелестом туника сползла к ногам девушки, и собравшиеся в зале разом ахнули — девушка стояла перед ними совершенно нагая.

В этот ужасный миг Джанет показалось, что она вот-вот лишится чувств. Но девушка тут же сказала себе: «Истинная Лесли никогда не выказывает страха, не забывай об этом».

И она замерла в неподвижности — точно ледяная

— Восемнадцать тысяч! — раздался чей-то голос.

— Восемнадцать тысяч девятьсот! — прозвучал другой.

В следующее мгновение работорговец протянул руку и ловко расстегнул жемчужную пряжку, державшую волосы Джанет. Волосы волнами упали на плечи девушки, а Абдула в тот же миг сдернул и вуаль с ее лица.

— Клянусь грудями Фатимы... — пробормотал кто-то из мужчин. — Ее лицо столь же прекрасно, как и тело.

— Калиф Багдада дает двадцать тысяч золотых! — раздался громкий голос.

«О-о, пресвятая Дева Мария, — мысленно воскликнула Джанет. — Во всей Шотландии не наберется столько золота! Куда уж тут крохотному герцогству Сан-Лоренцо... Я погибла!»

— А герцог Сан-Лоренцо дает двадцать пять тысяч золотых, дабы освободить возлюбленную нареченную своего сына! — прокричал Пьетро.

Джанет тихонько прошептала:

— Прости меня, добрая Дева Мария! В благодарность за мое освобождение я подарю тебе чудесную серебряную статую, украшенную разноцветной эмалью, с глазами из настоящих сапфиров!

— Двадцать пять тысяч? — усмехнулся искуситель Абдула. — Кто предложит больше? — Он обвел взглядом собравшихся в зале. Но все молчали, и Джанет с облегчением вздохнула.

Тут Абдула поднял свой молоточек, собираясь закрыть торги, но внезапно раздался голос:

— Султан Турции дает тридцать тысяч золотых монет.

И в тот же миг к помосту направился высокий худощавый изысканно одетый господин в зеленом тюрбане.

— Я Хаджи-бей, главный над черными евнухами султана, — заявил он, бросив счастливому Абдуле увесистый мешочек. — Сосчитайте, если хотите.

Джанет взглянула на него из-под ресниц. Ростом он был так высок, что по сравнению с ним все остальные в зале казались карликами. И она могла бы поклясться, что он был смешанной крови, то есть не совсем мавр. За время пребывания в герцогстве Джанет повидала немало чернокожих, но у этого человека кожа была ни черной, ни коричневой, скорее — смуглой, сочного золотистого оттенка. 39

Глаза же казались бархатисто-черными, а черные и ровные полоски бровей протянулись к самым вискам. Губы у него были пухлые и чувственные, и он, поджарый и стройный, ничем не напоминал евнухов с их вялостью и нависающими над животом грудями — эта особенность оскопленных мужчин казалась Джанет просто непристойной.

Одет же он был не только дорого, но и со вкусом. На нем был кунтуш цвета весенней зелени и с длинными рукавами, без застежки, но отороченный от горла до подола, а также на локтях и на запястьях темным собольим мехом. Развевавшиеся при ходьбе полы открывали взгляду подкладку из золотистой ткани. А под кунтушом было одеяние из затканной цветами красной парчи, подпоясанное широким золотым кушаком, расшитым крошечными жемчужинами и изумрудами — там было целое состояние. Тюрбан был украшен неогранённым выпуклым изумрудом и пером белой цапли. На ногах красовались сапожки без каблука из мягчайшей темно-коричневой кожи. Длинные изящные пальцы Хаджибея были унизаны перстнями, а с шеи свисал массивный золотой медальон с выгравированной на нем львиной мордой.

Пьетро ди Сан-Лоренцо вспрыгнул на помост и прокричал:

— Я протестую! — Он взглянул на Абдулу. — Ты ведь уже поднял молоток, чтобы скрепить сделку! Девушка принадлежит мне!

— Но мой молоток не стукнул, — возразил устроитель торгов. — А если желаешь оспорить сделку, то я снова открываю торг.

Хаджи-бей любезно улыбнулся и проговорил:

— Да, господин. Если желаешь поднять ставку, ты волен это сделать.

Тогда Пьетро обратился ко всем остальным:

— По закону вашей религии этот аукцион проведен незаконно! Девушка является невестой наследника герцога Сан-Лоренцо. Контракт был официально подписан и скреплен в прошлом декабре в соборе Аркобалено. Ваша религия запрещает продавать жену человека, если он жив. После подписания контракта она — все равно что его жена. Ее выкрали из дома и привезли сюда силой!

— Наши законы не распространяются на неверных — точно так же, как и ваши, христианские, не касаются нас, — возразил Хаджи-бей. — Предложи цену

большую, нежели моя, или позволь мне удалиться вместе с моим приобретением.

Тут Пьетро снова обратился к залу:

— Он купил ее для старика, который годится ей в деда! У вас у всех есть при себе золотые! Отдайте их мне, а я потом возьму их вдвойне! Позвольте вернуть девушку моему двоюродному брату!

Но зал ответил ледяным молчанием. Слова Пьетро о правителе Турции были правдой, однако никто из купцов не осмелился бы бросить вызов посланнику султана!

— Пересчитай золотые, — приказал Хаджи-бей работорговцу.

— Нет-нет, уважаемый ага! — воскликнул Абдула бен Абдула, взвешивая на ладони мешочек. — Я уверен, что в этом нет нужды.

Хаджи-бей повернулся к испуганной дрожащей Джанет. Сняв с себя кунтуш, он набросил его на плечи девушки и проговорил:

— Идем, дитя мое.

— Мы приедем в Турцию, миледи! Мы выкупим вас! — закричал Пьетро ди Сан-Лоренцо.

Хаджи-бей обратил к нему смуглое лицо.

— Не обманывай девушку и не внушай напрасной надежды. Никому нет ходу из сераля моего повелителя! Скажи ей правду, чтобы она смогла вступить в новую жизнь честно и без страха.

Пьетро с грустью поглядел на Джанет, и у нее защемило сердце от сочувствия к нему.

— Не горюйте, милорд, — сказала девушка, — и пообещайте, что отправитесь к моему отцу и расскажете обо всем, что случилось. Меня предал раб Мамуд. — Она почувствовала, что ее взяли за плечо. — И еще, милорд, передайте ему, что в один прекрасный день я вернусь в Гленкирк. Обещайте же!

Пьетро молча кивнул и, глядя на девушку, спускавшуюся с помоста, почувствовал, как по щекам его заструились слезы.

ГЛАВА 7

Джанет усадили в один из двух паланкинов, ожидавших у дома — во второй сел Хаджи-бей. А затем носильщики быстро пронесли их через весь го-

род и остановились перед большим и красивым домом. Рабы тотчас помогли Джанет выбраться из паланкина и провели ее через огромный крытый двор в маленькую нарядно обставленную и ярко освещенную комнату. Хлопнув в ладоши, Хаджи-бей отдал прибежавшей рабыне приказание на каком-то незнакомом Джанет языке. Затем, повернувшись к девушке, сказал:

— Я велел невольнице принести более подходящую тебе одежду. А пока что я прошу тебя снять кунтуш.

Джанет молчала, и Хаджи-бей повторил:

— Кунтуш, дитя мое. Сними кунтуш. В доме купца Абдулы освещение — хуже некуда, и я не мог рассмотреть тебя как следует.

— Зачем тогда купил меня?

— Твои лицо и волосы уже доказывали, что ты стоишь таких денег. Кунтуш, живо! — приказал он, протягивая руку.

С трудом отдавая себе отчет в происходящем, Джанет повела плечами, и одеяние упало к ее ногам. Теперь девушка стояла перед Хаджи-беем совершенно обнаженная, а тот разглядывал ее с пристрастием.

Джанет была слишком юной и неопытной, чтобы понимать, насколько она красива. За последний год она успела сильно прибавить в росте и для своего возраста казалась высокой, хотя на самом деле была среднего роста. Ноги же у нее были длинные и стройные, а узенькая талия плавно переходила в округлые бедра. И еще — эти высокие налитые груди!

Кроме того, Хаджи-бей с удовольствием отметил, что золотисто-зеленые глаза девушки не припухли от слез — значит, она не рыдала и, следовательно, обладала сильным характером.

— Повернись, прошу тебя, — сказал он.

Она повиновалась и повернулась с необычайной грацией, так что евнух снова остался весьма доволен. Хаджи-бей мог радоваться собственной мудрости — он уплатил неприлично большую сумму, но деньги были потрачены не зря!

Тут вернулась рабыня, которая помогла Джанет надеть зеленые с желтым широкие штаны и корсаж в тон, а сверху — шелковый кафтан цвета янтаря. Затем рабыня бесшумно выскользнула из комнаты.

— А теперь, дитя мое, — продолжал Хаджи-бей, — настало время представить тебя двум твоим товаркам.

Взяв Джанет за руку, евнух вывел девушку из комнатки и провел в просторный зал с террасой и с видом на море. Едва переступив порог, Джанет увидела двух молоденьких девушек примерно одного с ней возраста. Одна была маленькой немного полноватой блондинкой, и ее волосы отливали серебром. Другая же была высокой и смуглой, с овальным личиком и яркими миндалевидными угольно-черными глазами. При появлении Хаджи-бея они встали. Подозвав жестом блондинку, он повернулся к Джанет и сказал:

— Вот это — Фирузи. Ее зовут так, потому что у нее глаза цвета бирюзы, а на нашем языке — «фирузи». Она родом с Кавказа.

Фирузи улынулась и воскликнула:

— Как мило, что ты пришла к нам! Теперь мы составим прекрасное трио. — Девушка говорила бегло по-французски с небольшим акцентом.

— А это, — продолжал Хаджи-бей, — Зулейка.

— Я никогда не видела таких, как она, — прошептала Джанет.

— Разумеется, не видела. Я из Китая. — Вторая девушка также говорила по-французски, но понять ее было куда труднее, чем Фирузи.

— Ты из Китая, который описывал Марко Поло?

— Да, — кивнула девушка.

— Хаджи-бей, а как зовут нашу новенькую? — спросила Фирузи.

— Ее будут звать Сира.

— Мое имя — Джанет Мэри Лесли! — воинственно заявила Джанет, вспомнив о своем благородном происхождении.

— Вряд ли это имя годится для одалиски из гарема турецкого султана, — с улыбкой заметил Хаджи-бей. — На моем древнем языке Сира означает «пламя». Очень подходящее для тебя имя! А теперь, дети мои, я вас оставлю, чтобы вы смогли получше познакомиться. Кроме того, вам надлежит отдыхать и набираться сил. Когда же начнется ночной прилив, мы отплываем в Константинополь. — Едва заметно кивнув, он развернулся и вышел.

А Джанет по-прежнему стояла у порога — стояла, устремив взгляд туда, где луна серебрила своим

светом бухту Кандии. Бухта была забита кораблями, и казалось, их крошечные огоньки дружески подмигивали девушке сквозь ночной мрак. Среди этих кораблей был и корабль из Сан-Лоренцо, который прислал за ней Руди...

— Входи же, — сказала Фирузи. — Осматривайся и привыкай.

Джанет попыталась выйти в сад, но путь ей преградили двое черных слуг в тюрбанах; и каждый из них держал в руке кривую саблю-ятаган. Девушка тяжело вздохнула и повернула обратно.

— Отсюда не сбежишь, Сира, — сказала Фирузи. — Чем скорее ты примешь этот факт, тем быстрее станешь счастливой.

И тут Джанет не выдержала и разрыдалась.

— Почему ты плачешь? — спросила Фирузи.

— В бухте стоит корабль, готовый забрать меня домой — к отцу, к младшему брату и к моему жениху. Мне только нужно добраться до этого корабля!

— Это невозможно, — заявила Фирузи. — И тебе еще повезло! Вот мои родные, включая мужа — все они мертвы, убиты татарами.

— Ты была замужем?

Фирузи кивнула и, хлопнув в ладоши, велела прибежавшей рабыне принести что-нибудь поесть. После чего, повернувшись к Джанет, проговорила:

— Сира, я расскажу тебе мою историю. — Прекрасные глаза светловолосой девушки заволочло дымкой воспоминаний, и она начала свой рассказ.

В день своей свадьбы она проснулась незадолго до рассвета и тихо выскользнула из постели. Толкнула деревянные ставни окна и увидела, как над зазеленевшими совсем недавно лугами поднимается невесомая дымка тумана. День ее свадьбы обещал быть теплым и солнечным.

«День моей свадьбы! — мысленно воскликнула она. — Моей свадьбы! И все из-за того, что брат спас жизнь младшему сыну нашего врага. Теперь мне предстоит сочетаться браком с его старшим сыном, и тогда наша деревня вечно будет жить в мире. Я даже не знаю, как выглядит этот Петр и что он за человек — добрый ли? Когда я спрашиваю

44 папу, он лишь тихонько посмеивается».

Она отвернулась от окна, когда занавеску, отделявшую ее крошечную спальню от главной комнаты, кто-то отдернул, и к ней ворвались родные — смеявшиеся и распевавшие веселые песни. Отец, огромный точно медведь, маленькая полная мама и сестры — старшая Катя с мужем и младшенькая Таня. Были здесь и братья — Павел, Борис и Иван, а также тети, дяди и кузены, все — с охапками весенних цветов в руках.

— Итак, невесте не спится! — пророкотал бас отца.

— И грядущей ночью ей тоже не суждено уснуть! — засмеялся Павел.

— Помолчите, — строго сказала мать, глаза которой, однако же, искрились смехом. — Оставьте цветы — и вон отсюда! Вы все! Катя и Таня, а вы останьтесь.

Тут родственники ушли, она осталась — с мокрыми от поцелуев щеками и с цветами в руках.

— Теперь, Мария, — сказала Соня Ростова, — тебе надо первым делом позавтракать. — Мать поставила на столик тарелку и чашку, которые принесла с собой. — Вот, ешь... Булочки с маком, варенье и чай.

Катя с удивлением вскинула брови. Ее-то предсвадебный завтрак состоял из черного хлеба, меда и козьего молока. Разумеется, мама стала бы отрицать, что у нее есть любимчики, однако все знали, что Марию она всегда любила больше, чем остальных дочерей. Поглядите, к примеру, на ее свадебное платье! Когда зимой к ним в дом явился старый коробейник, в его мешке обнаружился отрез шелка — шелк был белый, точно сливки, и мама решила, что непременно сошьет для Марии платье именно из него! И еще — золотая нить для вышивки и турецкие туфельки без задников, расшитые золотом и речным жемчугом... А папа ворчал — мол, его дочь выходит отнюдь не за турецкого султана, а за простого крестьянина с Кавказских гор. Однако коробейник ушел, а у мамы остались и шелк, и золотые нитки, и туфельки, — а покупки эти стоили им двух отличных коз.

Катя криво улыбнулась, наблюдая, как сестра уплетала мягкие слобные булочки. Ее-то свадебное платье было из шерстяной материи, а у сестры — из шелка! Однако шелк очень подходил к белой нежной коже Марии и ее светлым, будто серебро, волосам и бирюзовым глазам. Материнский шлепок вернул Катю к действительности.

— Не спи! Поставь на огонь воду, чтобы Мария могла выкупаться! А ты, Таня, возьми у сестры тарелку да вымой ее.

Утро пролетело быстро. Приближался полдень. Вся деревня высыпала на улицу, принарядившись к свадьбе дочери деревенского старосты. На лугу возле церкви расставили столы для пира. Внезапно на окраине деревни появился паренек с криком:

— Они едут, едут! — закричал он.

Мария подскочила к окну и выглянула. Во главе процессии, на белой лошадке, ехал высокий юноша. Он весело смеялся, его темные глаза сияли, а мальчишки, бежавшие рядом с его лошадкой, громко кричали:

— Жених едет! Дорогу жениху!

Мария почувствовала руку матери на своем плече.

— Вон твой супруг, дочка!

— Он такой красивый... — прошептала девушка.

— Ха! — усмехнулась мать. — Его красота — приятное дополнение. Она ничего бы не стоила, будь он негодяем, но он, напротив, очень добрый человек! Неужели ты думаешь, что мы с папой отдали бы тебя кому попало?

Жители обеих деревень одобрительными возгласами встретили Марию Ростову, когда родители повели ее в церковь. На ней были расшитая золотыми узорами белая шелковая юбка и блузка, а под юбкой — несколько нижних юбок из тонкой белой шерсти. Голову же — точно корона — украшал венок из белых и желтых цветов.

— Что за красotka! — воскликнул Петр Туманов, обращаясь к отцу. — Ты не позволил мне ее увидеть, и я уже представлял себе страшилище с лошадиным лицом. И если нрав моей невесты под стать ее красоте, то я буду счастливейшим из людей!

— Значит, ты будешь счастлив, — ответил отец. — А если бы я позволил тебе увидеть ее до свадьбы — не сохранить бы ей невинности! А ведь этот брак должен положить конец старой вражде, а не развязать новую...

Жених с невестой встретились у алтаря, и отец Григорий Ростов, дядя Марии, скрепил их брак. Мария со смущением взглянула на своего мужа, который, уважая чистоту и невинность юной жены, нежно поцеловал ее и сказал:

— Рад познакомиться, госпожа Туманова. Позвольте

46 те заметить, что я вас люблю.

Мария густо покраснела, но глаза ее сияли.

— И я люблю вас, дорогой супруг, — ответила она.

Чтобы устроить для дочери свадебный пир, Николай Ростов пошел на огромные расходы! На вертела были насажены целые туши коз и ягнят, которые жарились в пламени многочисленных костров. Вино текло рекой, а столы ломились от фруктов, караваев и пирогов. Еще не наступил вечер, а все уже изрядно опьянели; и невинные поначалу шуточки в адрес новобрачных сменились шутками весьма непристойными.

А потом вдруг раздался крик:

— Пожар, пожар!

Деревня горела вовсю, и Мария в ужасе смотрела, как на пирующих налетели татары, и их оскаленные зубы ярко сверкали на смуглых лицах. А ведь и Ростовы, и Тумановы прибыли на свадьбу совершенно безоружными.

Отовсюду раздавались крики и вопли. Люди пытались спастись бегством. Мария схватила за руки младших братьев, Бориса и Ивана, а также младшую сестренку Таню.

— Быстрее! Спрячемся в лесу! — крикнула она.

Двенадцатилетний Борис начал вырываться из рук сестры.

— Я хочу с ними сражаться! — воскликнул мальчик.

Мария что было силы ударила его по лицу и прошипела:

— Папа, Павел и Григорий уже убиты. Теперь ты — глава нашей семьи! Отведи Таню и Ивана в безопасное место! Ради Бога, Борис, беги скорее!

Мальчик кивнул и, взяв за руки сестру и брата, потащил их к лесу. Не прошло и минуты — хотя минута эта показалась Марии вечностью — как дети скрылись в лесу. Тут раздался душераздирающий крик, и Мария, обернувшись, увидела, что Катя извивается на окровавленной траве — у нее начались преждевременные роды. А рядом стояли те трое, что только что изнасиловали ее; негодяи громкими криками подбадривали своих соплеменников, набросившихся на их мать.

Тут Мария почувствовала на своей талии мужскую руку и, обернувшись, увидела Петра:

— Быстро в лес, — сказал он. — Прячься, пока они не схватили и тебя!

Свадебный наряд Петра был разорван и весь в грязи; а на щеке у него разливался фиолетовый кровоподтек.

В руке же он сжимал окровавленный вертел.

— Я тебя не оставлю. Бежим со мной, Петр! — крикнула Мария.

Муж отрицательно покачал головой, и она заявила:

— Тогда я умру вместе с тобой, супруг мой!

— Голубка моя, тебя они не убьют. Это татарские работорговцы. Беги, прежде чем...

Слова замерли у него на губах, и он повалился на траву. А за спиной Петра стоял огромный татарин, вынимавший из его тела окровавленное копьё.

— Петр, Петр!.. — в отчаянии закричала Мария. Она упала на колени и попыталась поднять мужа. Но он был мертв.

Мария украдкой протянула руку, чтобы взять вертел. Сжав оружие, она вскочила на ноги и бросилась в бой, ранив удивленного татарина — он такого не ожидал. Впрочем, негодяй тут же обезоружил девушку.

— Убийца! — закричала она.

Схватив Марию, он впился в ее губы отвратительным слюнявым ртом, а затем ударом ноги повалил на землю, задирая ей юбки. Оседлав ее, татарин начал возиться с завязками своих штанов, другой рукой сжимая горло девушки. А она боролась отчаянно, чувствуя, что задыхается.

Внезапно послышался крик:

— Ешкай, остановись!

Пальцы на ее горле разжались, и теперь Мария жадно хватала ртом воздух. Огромного татарина тут же оттащили в сторону, а ее рывком подняли на ноги. И Мария увидела перед собой высокого татарского воина, сидевшего на коне.

— Ешкай, ты болван! — закричал татарин. — Разве не видишь, что эта девушка принесет нам целое состояние? Раскрой глаза! Это же невеста!

— Но Бату, почему мне нельзя ее взять?

Предводитель отряда спешил.

— Ты девственница? — спросил он у Марии.

Она не ответила, и предводитель, схватив ее за волосы, заглянул ей в лицо.

— Ты девственница?

— Да, — отозвалась девушка.

— И не развлекалась в горах до свадьбы?

48 — Сегодня мы с женихом встретились впервые.

— Принесите огня, — приказал предводитель. Ему подали факел, и он, приблизив его к лицу Марии, воскликнул: — Да это же настоящая красавица! — Обернувшись к своим соплеменникам, он рявкнул: — Эй вы, слушайте меня! Я убью каждого, кто посмеет хотя бы глянуть в ее сторону. В Дамаске мы выручим за нее целое состояние! Ах, какая красотка! Да еще и девственница! Забирайте детей и женщин, бездельники, и заприте их где-нибудь до утра. А на рассвете мы уходим.

Церковь была единственным строением, уцелевшим в деревне. Туда и загнали уцелевших, в том числе и Марию. Сначала, впрочем, забрали всех маленьких мальчиков.

— А зачем им мальчишки? — спросила Мария у своей тети.

— Самых красивых оскопят, а потом продадут. Их обучат, чтобы сделать из них евнухов, — прошептала женщина онемевшими губами.

Вскоре почти все мальчики вернулись — напуганные, но невредимые. Не хватало только троих, и их матери стонали и рвали на себе волосы, слыша страшные детские крики за стенами церкви... Несколько минут спустя в церковь вошли трое татар — они притащили бесчувственных мальчиков; и женщинам надлежало теперь выхаживать изувеченных сыновей.

А на рассвете они отправились в Дамаск; татары ехали верхом, пленников же гнали в пешем строю. А один из оскопленных мальчиков умер ночью.

От пережитого ужаса Мария, казалось, лишилась и разума, и чувств. Ни с кем не разговаривая, она все шла и шла, глядя лишь себе под ноги. Рядом с Марией шла ее тетя, испепелявшая взглядом каждого татарина, оказывавшегося поблизости от них. Во время привалов она приносила племяннице еду, к которой та почти не притрагивалась, и согревала своим телом по ночам.

По мере того, как пышнотелая Мария превращалась в худышку, Бату злился все сильнее. Ведь если девушка умрет — он не получит денег! Забрав у какого-то крестьянина осла, разбойник велел ей ехать верхом, чтобы беречь силы. Тщетно выбирал он самые лакомые угощения — свежие спелые персики, хрустящих зажаренных голубей, вино и свежее выпеченный хлеб — ничто не могло соблазнить пленницу. В конце концов он пригрозил убить

ее тетку, если Мария не начнет есть. Тогда она стала принимать пищу, но ее молодое тело все равно оставалось худым и словно иссохшим. Чудесные волосы свалились, а яркие глаза погасли.

Когда же они прибыли в Дамаск, Мария впервые после пленения проявила хоть какие-то эмоции — она рыдала, когда ее разлучили с тетей, которую вместе с остальными погнали на невольничий базар, один из многих в этом городе.

А Марию Бату отвел в баню, где девушку по его приказу отмыли, затем помассировали, умастили ароматными мазями и заплели волосы в косы. После чего переодели в новую одежду и отправили к работорговцу, который промышлял на закрытых торгах. Но ни баня, ни новая одежда не могли скрыть ее жалкого состояния.

— Нет, — отрезал продавец живого товара. — Девственница она или нет — я не стану ее покупать.

— Послушай, — настаивал Бату, — видел бы ты ее, когда она только попала к нам в плен! Красивая, пышная, а волосы — как серебро! А уж глаза!.. Где еще ты увидишь такие глаза? Бирюза, да и только!

— Бату, друг мой, — терпеливо втолковывал ему работорговец, — может быть, раньше она и была такой, как ты рассказываешь, но сейчас — нет. Просто мешок костей! Она тает, потому что сердце ее разбито. Уж я-то повидал таких! Она не протянет и месяца. Я не стану позорить себя и обижать моих уважаемых покупателей, предлагая столь жалкий товар. Веди ее на городской базар вместе с остальными — может, и выручишь за нее несколько динаров.

Скрипнув зубами, татарин покинул дом купца и потащил Марию на городской базар. Она оказалась там как раз вовремя и увидела, как ее тетю купил богатый добродушный на вид крестьянин, которому понадобилась женщина в доме, чтобы ухаживала за выводком оставшихся без матери детей. Мария даже улыбнулась про себя. Она хорошо знала свою родственницу, поэтому почти не сомневалась: и года не пройдет, как бедняге придется жениться на ее тушке.

Мало-помалу Бату распродал всех пленников, и оставалась только Мария. Распорядитель аукциона лез из

50 кожи вон, но печальная, обессиленная девушка ни-

кому не приглянулась. Бату в гневе уже собирался ее побить, но тут из толпы раздался повелительный голос:

— Стой!

Обернувшись, все увидели высокого, изысканно одетого господина, направлявшегося к помосту.

— Что ты хочешь за девушку? — спросил он.

Бату же словно онемел от изумления.

— Ну, мой татарский друг, ты, разумеется, назначил за нее цену? — осведомился высокий господин.

— Сотня золотых динаров, — не очень-то уверенно ответил татарин.

В толпе засмеялись, однако высокий господин начал извлекать золотые из своего весьма пухлого кошелька.

— Я дам тебе сто пятьдесят золотых, потому что знаю настоящую цену этой девушке. — Он высыпал монеты в ладони изумленного татарина, а затем вскочил на помост. Взяв ледяную ручку Марии в свою теплую ладонь, он улыбнулся и проговорил: — Дитя, меня зовут Хаджи-бей. Доверься мне, и я помогу тебе начать жить заново.

— Мои родные убиты. Зачем мне жить? — пробормотала девушка.

— Знаю, моя маленькая Фирузи. Боль твоя огромна, но будущее может быть блистательным, если ты сама этого захочешь. А теперь идем. Мы поедем в мой дом, и там я расскажу тебе кое-что...

Он помог Марии спуститься с помоста, посадил ее в большой паланкин, сел рядом и приказал носильщикам отправляться. Когда девушка оказалась в доме Хаджи-бея, он велел подать ей успокоительное питье, затем приступил к осторожным расспросам. Сначала она не хотела отвечать, но снадобье, которое Хаджи-бей велел подмешать в питье, вскоре возымело действие. Мария расслабилась и начала свое горестное повествование.

Сочувственно выслушав девушку, Хаджи-бей кивнул и проговорил:

— Да, дитя, история твоя весьма трагична. Но все то, что ты поведала мне, уже много раз случалось с другими. И так, беда случилось, и тут уж ничего не поделаешь. — Он пристально взглянул ей в глаза и вновь заговорил: — Ты очень устала, маленькая Фирузи. И ты слишком много страдала.

Теперь тебе нужно поспать, а когда проснешься, твоя

боль начнет утихать. Ты вернешься к жизни. Нет, ты не забудешь о том, что произошло, но ты не будешь больше страдать.

Отяжелевшие веки девушки опустились, но она все же сумела ответить:

— Только если я буду отмщена! Бату и его разбойники убили мою семью! А тот, кого зовут Ешукай, — он убил моего жениха!

— Будет сделано, Фирузи.

— Как ты меня назвал? — спросила девушка, уже засыпая.

— Фирузи. Это означает «бирюза», и таков цвет твоих глаз. А теперь спи, дитя мое.

В следующее мгновение Мария погрузилась в сон.

— И я чувствовала себя прекрасно, когда проснулась! Вот так, дорогая Сира, я и очутилась здесь, — закончила рассказ Фирузи.

— А что случилось с Бату и его людьми? — спросила шотландка. — Неужели Хаджи-бей действительно приказал убить их?

— О да! Когда мы услышали о тебе и покинули Дамаск, чтобы плыть на Крит, я увидела их гниющие головы, насаженные на пики у главных ворот города — мы как раз проезжали мимо. Но я во время пути ни разу не заговаривала об этом. Помалкивал и Хаджи-бей.

— Так вы обо мне слышали? — удивилась Джанет.

— О, да, конечно. Все от Дамаска до Александрии слышали о знатной девственнице с рыжими волосами, которую продает Абдула бен Абдула! А какую цену заплатил за тебя Хаджи-бей!.. Мы с Зулейкой вдвоем не стоили и десятой доли тех денег, что заплатили за тебя.

— Я вряд ли могу почитать это за честь.

— А следовало бы, — с упреком в голосе заметила Зулейка.

— Не обращай на нее внимания! — рассмеялась Фирузи. — Она принцесса Пурпурный Нефрит, дочь императора Китая, но за нее торговались только погонщики верблюдов да грязные варвары-скотоводы. Жить бы ей в неволе в дырявом шатре, если бы ее не увидел Хаджи-бей. За те недели, что мы с ней прожили вместе, я узнала, что для китайцев сохранить гордость — первое дело, и она все еще терзается, потому что не может забыть, как ее предали...

— Если ты не против, Фирузи, я сама расскажу ей свою историю. — Зулейка поднялась с дивана в углу и с размаху плюхнулась на подушки возле Фирузи и Сиры. В отличие от своей светловолосой подруги, плакавшей, вспоминая прошлое, Зулейка было тверда, и ее голос ни разу не дрогнул.

Ей никогда не забыть того дня, который решил ее судьбу. Была весна, и она сидела у мраморного бассейна в саду своей матери, наблюдая, как золотые рыбки с развевающимися хвостами гонялись за лепестками цветов, осыпавшимися прямо на зеркальную водную гладь.

Внезапно послышался нежный голосок невольницы Мэй Цзе.

— Госпожа, ваша благородная матушка призывает вас к себе!

— Сейчас же приду, — ответила девушка.

— Нет-нет! — воскликнула рабыня. — Сначала вам нужно переодеться. С ней Он!

— Мой брат-император?

— Да, госпожа.

Принцесса быстро прошла в свою комнату и с помощью невольницы надела платье белого шелка, расшитое пурпурными цветками сливы. Мэй Цзе расчесала ее длинные блестящие черные волосы, заплела их в две косы и уложила на висках кольцами, скрепив замысловатую прическу жемчужными заколками.

Взмахом руки отослав прочь служанку, она некоторое время стояла перед зеркалом, внимательно рассматривая собственное отражение. Из зеркальной глубины на нее смотрела высокая стройная девушка — кожа цвета желтоватой слоновой кости, черные глаза безупречного миндалевидного разреза, прекрасное лицо с высокими скулами, изящный носик и такие же изящные губки. Принцесса отлично понимала, как она красива. Отвернувшись от зеркала, она неспешным, исполненным достоинства шагом направилась в покои матери.

— Принцесса Пурпурный Нефрит! — нараспев объявил евнух.

Она грациозно опустилась на колени, коснувшись лбом пола.

— Встань, моя юная сестра!

Она поднялась, старательно держа глаза долу, избегая пристального взгляда молодого императора.

— Я устроил твой брак, — объявил он.

Она взглянула на мать, чье лицо казалось совершенно бесстрастным, лишь глаза предупреждали — молчи!

— Твоим супругом, — продолжал император, — станет шах Персии. Через три месяца ты покинешь дом и отправишься в его страну. С тобой поедут слуги и солдаты императорской охраны, как и приличествует принцессе династии Мин и дочери нашего покойного отца, достойнейшего Чэн Хуа. Когда ты достигнешь Персии, наши люди уйдут, передав тебя в руки охраны и слуг шаха. Ты можешь оставить при себе только свою невольницу Мэй Цзе.

— Благодарю, мой господин!

— Я сделал тебя владычицей Персии, сестра. Тебя, дочь наложницы!.. Неужели это все, что ты можешь сказать мне в благодарность?

— Ты тоже сын наложницы! К тому же — не столь благородной, как моя мать! — воскликнула девушка.

Хун Чи рассмеялся.

— Ты слишком горда, сестрица! Из тебя выйдет прекрасная супруга для шаха! Кроме того, ты будешь способствовать сближению Персии и Китая.

— Я благодарна за возможность служить моему господину и моей родине.

— Ха-ха, — фыркнул император. — Твой проницательный ум уже начинает понимать, как хорошо быть шахиней. Распуши свои павлиньи перышки, сестрица, и оставайся такой и дальше. Мне нравится твоя гордость. Не теряй ее никогда! А теперь, — обратился он к ее матери, — давайте пить чай.

Спустя три месяца роскошный караван принцессы Пурпурный Нефрит из династии Мин покинул Запретный Город в Пекине и направился на запад, к границам Персии. Стояла середина лета; и когда они проезжали через многочисленные китайские деревушки, крестьяне толпами собирались вдоль дороги, чтобы преподнести принцессе дыни, а также всевозможные овощи и фрукты нового урожая. Она принимала дары с величайшим достоинством, и люди, наперебой желавшие ей счастья, совершенно ее не интересовали.

Никаких чувств не испытывала она также и к своему суженому, персидскому шаху. Ни надежды, ни радостного предвкушения. Шах был значительно старше своей шестнадцатилетней невесты, но не имел жен. Зато у него имелась наложница по имени Шаннез, расставаться с которой он ни в коем случае не собирался. К несчастью, женщина оказалась бесплодной, а шах отчаянно желал обзавестись наследником. И еще он хотел отвести китайскую угрозу от своих границ. Потому и решил жениться на принцессе Пурпурный Нефрит.

Все это поведала ей мудрая мать, и она же советовала дочери непременно добиться любви и привязанности шаха, иначе не стать ей настоящей шахиней! Совершенно необязательно быть первой возлюбленной мужчины, главное — стать его последней любовью.

Императорский караван преодолел обширные пространства Китая и, переправившись на другую сторону варварских гор, подошел к границам Персии. Они двигались быстрее, чем предполагалось, поэтому начальник императорской гвардии сказал, что теперь надо разбить большой лагерь, чтобы как следует отдохнуть. Принцесса же была очень рада такой возможности. Ей действительно хотелось отдохнуть и подготовиться к встрече с шахом.

Через три дня они заметили приближение персов, и служанки принцессы поспешили к своей госпоже, чтобы нарядить ее в шелковые платья императорского желтого цвета. Вскоре громовой топот копыт возвестил о прибытии персидского отряда в их лагерь. Стоя в дверях своего шатра, принцесса увидела, что рядом с предводителем отряда скакала женщина. Не требовалось большого ума, чтобы догадаться, кто она такая.

— Проклятая Шаннез... — сквозь зубы прошипела китайская принцесса. — Он привез с собой эту женщину! Мэй Цзе, беги и узнай, который из них шах.

Девушка-рабыня повиновалась и через несколько минут вернулась с сообщением: оказалось, что шах не приехал, но будет встречать невесту в столице своей страны.

Принцесса Пурпурный Нефрит рассердилась, но ее злость сменилась яростью, когда в шатер внезапно ворвалась Шаннез в сопровождении персидского воина — предводителя отряда.

— Уберите отсюда эту женщину! — завизжала китайка.
Слуги принцессы бросились выполнять приказ, однако Шаннез остановила их движением руки.

— Вижу, ее императорское высочество, Дочь Неба, уже слышала обо мне! — Шаннез рассмеялась, затем повернулась к воину. — Клянусь Аллахом, она очень красива! А вот если бы она выглядела овца-овцой, как обычно бывает с девицами королевских кровей, то я могла бы ее пожалеть и даже сделалась бы ее подругой!

— Даже овца не захочет дружить с такой невоспитанной сукой, как ты! — в ярости закричала принцесса. — Как ты смеешь врываться ко мне без приглашения?! На колени, женщина! Я — твоя госпожа!

— Вы говорите на нашем языке?.. — изумилась Шаннез.
— На колени!

Воин подтолкнул наложницу шаха, и та с ворчанием опустилась перед китайкой на колени.

— Я прошу прощения у вашего императорского высочества, однако слишком уж велико было мое желание приветствовать вас в Персии, и я...

Царственным движением руки принцесса Пурпурный Нефрит заставила женщину замолчать.

— Для тебя я — «ваше величество», непочтительная рабыня! — заявила принцесса.

— Только после того, как вы сочетаетесь браком с моим господином, — отрезала Шаннез.

И тут принцесса отвесила ей пощечину и прокричала:

— Не кажется ли тебе, что шах может избавиться от рабыни, если она ему не угодит?! А я обещаю: он будет тобой весьма недоволен!

— Ваше величество, в своей необдуманной горячности я действовала слишком поспешно, проявив грубость и высокомерие, — пробормотала Шаннез. — Простите меня, моя госпожа, и позвольте стать вашей подругой! Я сумею быть вам полезной...

Принцесса Пурпурный Нефрит смягчилась, но слова женщины ее нисколько не обманули.

— Сомневаюсь, госпожа Шаннез, что мы сможем когда-нибудь подружиться. Но, возможно, мы хотя бы не станем врагами. А теперь оставьте меня. Я хочу отдохнуть.

Персиянка удалилась. Но потом, отойдя подальше от шатра, она тихо проговорила:

— Нельзя допустить, чтобы эта сука стала нашей повелительницей. Она слишком гордится своей страной и будет скорее предана Китаю, чем Персии. Она принесет шаху наследника, а потом обратит и его, и всю нашу страну в вассалов Китая! Хасан, ты должен мне помочь, — добавила Шаннез, пристально глядя на начальника шахской гвардии.

Хасана нисколько не тронула патриотическая речь наложницы, но все же он решил, что в словах женщины была толика правды.

— Госпожа Шаннез, вы ведь не можете ее убить... А если даже такое случится, то правда все равно дойдет до императорского двора в Китае. И тогда на наших руках будет кровь новой войны!

— Я не собираюсь ее убивать. Принцесса Пурпурный Нефрит выйдет за шаха, — только это будет ненастоящая принцесса. Никто из наших людей китайянку не видел и не увидит, пока не настанет время уезжать. Завтра китайцы отправятся в обратный путь. Вы настаите на том, чтобы оставить тут наших лошадей еще на один день, а я одна останусь прислуживать принцессе. Наступит вечер, и я опою ее сонным зельем. Затем двое ваших слуг отвезут ее в Багдад, чтобы продать на невольничьем рынке. А принцессу заменит ее невольница Мэй Цзе.

— Но согласится ли невольница помогать нам?

— Конечно, если хочет жить долго и счастливо, — улыбнулась Шаннез. — И еще, Хасан, скажи своим людям, что я хочу, чтобы ее продали как девственницу. Они не должны ею пользоваться. Девственница стоит куда дороже. Чем больше за нее дадут, тем больше будет их доля. Пусть ее продадут на городском рынке для черни. Я сотру ее гордость в порошок!

— Но шах удивится, узнав, что у принцессы нет собственной рабыни-служанки. Ведь договор предусматривал, что она может оставить ее при себе... Что ж, скажу ему, что принцесса разгневалась на рабыню, которая проявила непопочтительность, и сама продала ее, не желая тревожить шаха из-за таких пустяков.

На рассвете китайцы отбыли на родину, оставив принцессу Пурпурный Нефрит и Мэй Цзе на по-

печение персов. Шаннез настояла, чтобы они провели еще один день в тишине и покое, прежде чем пуститься в дальний путь. Уговаривая принцессу, наложница наигрывала ей на лютне приятные для слуха мелодии.

Наступила ночь, и любовница шаха предложила принцессе выпить чашу теплого козьего молока — сказала, что молоко поможет заснуть. К тому же, это любимое питье шаха. Принцесса Пурпурный Нефрит терпеть не могла козье молоко, но осушила чашу до дна... и тотчас же провалилась в глубокий сон. Уснула и Мэй Цзе, которой тоже позволили выпить молока.

Спустя несколько недель Хаджи-бей заглянул на невольничий рынок в Багдаде; впервые он уехал так далеко от дома в своих поисках, но уже испытывал разочарование. Посетив все известные невольничьи рынки в городе, он не нашел того, что искал. Конечно, там было много красивых девушек, — но искал-то он ту, что обладала сразу и красотой, и умом, и силой духа!

И вдруг краем глаза заметил на помосте девушку — обнаженную и грязную, присевшую на корточки и пытавшуюся прикрыть свою наготу длинными волосами. Хаджи-бей остановился, чтобы рассмотреть ее получше. В ответ на его пристальное внимание девушка бросила на него презрительный взгляд.

Хаджи-бей подал знак работорговцу и указал на девушку. — Вот эта... Сколько она стоит? — спросил он.

Работорговец заставил девушку выпрямиться и проговорил:

— О, мой благородный господин, это редкий цветок из древней страны, что зовется Китай. — Схватив девушку за крепкую, грушевидной формы грудь, он воскликнул: — К тому же — девственница! Свежая и аппетитная!

— Хватит ее лапать, — буркнул Хаджи-бей. — Назови лучше цену. Сколько хочешь за нее?

— Пятьдесят золотых динаров. Я купил ее месяц назад у караванщиков и заплатил кругленькую сумму. Итак, пятьдесят золотых динаров, господин!

— Он купил меня три дня назад у двоих солдат, которые меня похитили, и дал им двадцать динаров, — сказала вдруг девушка.

58 Работорговец бросил на нее злобный взгляд.

— Тридцать динаров, — сказал Хаджи-бей, отсчитывая монеты и бросая их в протянутые ладони работорговца.

Спрятав деньги в складках одежды, работорговец толкнул девушку к Хаджи-бею.

— Ступай к своему хозяину!

И тут девушка вдруг резко развернулась и вцепилась ногтями в лицо работорговца.

— Не смей больше меня трогать, грязный негодяй!

Хаджи-бей обнял ее за плечи и ласково проговорил:

— Успокойся, дочь моя. Твои испытания подошли к концу. — Повернувшись к работорговцу, он добавил: — Отдай мне ее одежду. Она достаточно унижена, не следует ей идти обнаженной через весь город.

Работорговец сунул руку в сундук, стоявший тут же, на помосте, и извлек оттуда какие-то лохмотья.

— Вор! — закричала принцесса Пурпурный Нефрит. — Где мое шелковое платье?!

Хаджи-бей решительно оттолкнул работорговца и, снова подняв крышку сундука, быстро отыскал в нем желтое шелковое платье с белой вышивкой. Девушка выхватила платье из его рук и быстро надела. Хаджи-бей повел ее прочь, спросив на ходу:

— Как тебя зовут, дитя мое?

— Я принцесса Пурпурный Нефрит из Китая.

— Я буду называть тебя Зулейкой.

Девушка подняла голову и вопросительно посмотрела на него.

— Зулейка, — пояснил он, — была знаменитой принцессой-воительницей.

— А потом, — завершила свой рассказ Зулейка, — мы вернулись в Дамаск забрать Фирузи и, услышав о тебе, поспешили на Крит.

Джанет в изумлении смотрела на своих товарок.

— Вы уверены, что отсюда нельзя сбежать? — спросила она.

— Никоим образом, — ответила Фирузи. — Но почему ты так хочешь сбежать? Куда ты пойдешь? Домой тебе нельзя. Никто не поверит, что ты все еще невинна. Люди на улицах будут показывать на тебя пальцами, и ни один уважающий себя отец не позволит своему сыну взять тебя

в жены. Ты состаришься, так и не познав любви. Возможно, тебе дадут кров. И, возможно, ты будешь... Будешь, например, нянчить детей своего брата. Ни служанка, ни уважаемый член семьи! А в доме султана Баязета нас ожидает роскошная жизнь. Может быть, мы найдем там любовь. Может, у нас даже будут дети! Так ты по-прежнему хочешь сбежать?

Джанет со вздохом покачала головой.

— Нет, наверное... — пробормотала она. — Пожалуй, ты права. Путь домой для нас отрезан. Я слышала, что женщины в гареме султана плетут интриги одна против другой, чтобы не лишиться его благосклонности. Каждую из нас оторвали от родных, и все мы познали горе и несчастье. Вместе мы будем сильнее. Если уж нам суждено остаться в рабстве, — давайте, по крайней мере, заключим союз. Договоримся, что будем поддерживать друг друга — что бы ни случилось. И тогда в один прекрасный день мы будем управлять не только гаремом, но и самим султаном.

Зулейка и Фирузи улыбнулись.

— Сира, дорогая, ребенок, который все еще живет в тебе, на рассвете исчезнет, — сказала Фирузи.

— Да, наверное... — кивнула Джанет. — Нет больше принцессы Пурпурный Нефрит из Китая, Марии Ростовской с Кавказа и леди Джанет Лесли из Шотландии. Все были наивными девочками. Вместо них теперь появились три женщины из дома султана Баязета — Зулейка, Фирузи и Сира. Так вы согласны заключить договор?

— Да, — ответила Фирузи, накрывая рукой руку Джанет.

— И я согласна, — ответила Зулейка, также протягивая руку.

Рассвет уже забрезжил над островом Крит, когда три девушки, утешившись в обществе друг друга, переоделись ко сну и легли.

Бросив последний взгляд на бухту Кандии, Джанет горестно вздохнула, отыскав глазами корабль, который уже направлялся в открытое море. На его мачте развевался флаг с золотым ястребом — флаг Сан-Лоренцо. Отвернувшись от окна, она снова легла на свою кушетку и вскоре уснула. И почти в тот же миг в другом конце комнаты отошла небольшая панель в стене, и стоявший там Хаджи-бей, словно обращаясь к самому себе, тихо произнес:

— Я сделал правильный выбор. Да благословенно имя Аллаха. Теперь империя спасена.

ГЛАВА 8

Плавание от берегов Крита до Константинополя получилось весьма приятным. Сире, Зулейке и Фирузи было дозволено сидеть под навесом, который установили для них на палубе. Хаджи-бей велел им закутаться как следует и запретил ходить по кораблю, чтобы не разжигать страсти среди рабов-гребцов, многие из которых были родом из Европы.

Корабль проворно скользил по волнам мимо очаровательных островков Эгейского моря. Хаджи-бей показал девушкам несколько мест, отмеченных самой историей, и Сира нашла его рассказ куда более увлекательным и романтическим, нежели повествование капитана Венутти, который рассказывал в основном о еде и питье. Они видели остров Наксос, где Тезей оставил Ариадну, и Хиос, который считался родиной Гомера, а также Лесбос — дом знаменитой поэтессы Сафо.

Наконец корабль вошел в устье Дарданелл, древнего Гелеспонта. На берегах пролива, который был сорока миль в длину и от одной до четырех в ширину, стояли сторожевые башни Османской империи — неотъемлемая часть обороны Константинополя. Башни служили для раннего предупреждения о врагах, которые осмелились бы напасть на столицу со стороны моря. Пройдя Дарданеллы, корабль вскоре вошел в воды Мраморного моря. Путешествие близилось к концу.

Вечером, накануне прибытия, Хаджи-бей позвал девушек в свою просторную каюту на корме корабля. Войдя, они заметили, что Хаджи-бей выставил возле дверей охрану — жестоких и безмолвных воинов. По его знаку девушки расположились на подушках, лежавших на полу возле круглого столика. Раб принес закуски и тут же вышел. После чего и сам Хаджи-бей уселся рядом со своими подопечными.

— А теперь, красавицы мои, я должен обсудить с вами дело величайшей важности. Как вы уже знаете, я — кызлар-ага, начальник над черными евнухами султана Баязета. Эта должность дает мне большую власть. И власть эту я хочу употребить на то, чтобы исправить одну ужасную ошибку, но для этого мне понадобится ваша помощь.

Много лет назад мой господин взял в старшие жены — кадин, как мы говорим, — девушку-черке-

шенку по имени Кесем. Через год она родила ему чудесного здорового сына, которого нарекли Мустафой. Но в то время, когда она была в тягости, султан обратил свое внимание на сторону и взял вторую кадин, сирийскую девушку по имени Бесма. Когда сыну Кесем исполнилось полтора года, Бесма также подарила ему сына, принца Ахмеда.

Через несколько месяцев после рождения сына Бесма пригласила двухлетнего наследника Мустафу к себе, чтобы он познакомился со своим младшим братом. Кесем очень встревожилась, но позволила сыну пойти к Бесме. Принц вернулся несколько часов спустя — очень довольный и с полными карманами засахаренных фруктов, которыми он угостил мать. Та взяла у него лакомство, чтобы его порадовать. Но очень скоро принца скрутила жестокая болезнь — как и госпожу Кесем, которая, впрочем, страдала гораздо меньше. Лекарь сказал, что это яд. На рассвете принц Мустафа умер, однако его мать выздоровела.

Рыдая, Кесем обвинила в злодеянии Бесму, однако султан, который тогда звался просто принцем Баязетом, не захотел осудить мать наследника империи. Сердце Кесем было разбито. Сколько ни старался Баязет приободрить ее и вернуть к жизни — все было напрасно. Бедняжка лишь чахла и лила слезы, и он, наконец, оставил ее в покое.

А теперь позвольте немного отклониться от главной линии моего повествования и объяснить вам, почему я так предан госпоже Кесем. Когда меня привезли в гарем, я был всего-навсего испуганным ребенком. Кесем, сама едва вышедшая из детского возраста, заботилась обо мне и отдала в обучение, чтобы я смог добиться успеха. Когда же она стала старшей женой султана, или баш-кадин, меня сделали главным евнухом. А когда родился принц Мустафа, султан назначил меня на должность кызлар-аги — вместо старого аги, который умер незадолго до того. Я очень любил госпожу Кесем, не мужской любовью, конечно, — ведь я не мужчина, — но как добрый и преданный друг. Я даже врачевал ее втайне, чтобы вернуть к жизни — лечил не столь тело, сколь душу. На это ушли долгие месяцы, ибо горе ее было огромно. А затем в один прекрасный день она тайно пришла ко мне и спросила: Хаджи-бей, если бы я родила султану еще одного сына, помог бы ты мне завоевать для него

— Ты думаешь, султан снова захочет взять тебя на свое ложе? — удивился я.

— Он недавно сделал своей фавориткой мою сестру Рефет, а ведь мы с ней — близнецы, — отвечала Кесем. — Поэтому мне кажется, что он все еще хочет меня...

— И я согласился помочь Кесем. Впервые за долгие месяцы она предстала перед султаном во время приема, который он устроил своим женщинам.

В тот вечер Кесем была ослепительно прекрасна, и Баязет, снова поддавшись ее чарам, в ту же ночь послал за ней. Спустя девять месяцев она родила сына по имени Селим. — Хаджи-бей сделал паузу, чтобы угоститься шербетом. Подкрепившись, он продолжил свой рассказ.

Кесем была умна, и в те месяцы, пока она носила в чреве Селима и не могла посещать ложе своего господина, ее заменяла сестра Рефет. Бесма же пребывала в ярости, потому что султан, влюбленный в Кесем, был очарован также и Рефет. Кроме того, Бесма вообще впала в немилость, так как Сафие, третья кадин султана, подарила нашему господину сына через два года после рождения Ахмета, в то время как у самой Бесмы второй сын родился мертвым.

После рождения Селима были приняты меры предосторожности, чтобы принц мог благополучно достичь зрелости. Да и Кесем под предлогом того, что рождение Селима якобы несколько сказалось на ее рассудке, удалилась подальше от треволнений султанского двора. Она вела простую жизнь и одевалась очень скромно, к чему приучила и Селима. Перед всеми — за исключением нескольких особо доверенных друзей — она играла роль... немного сумасшедшей, вследствие чего Баязет предоставил ей большую свободу.

Должен вам сообщить, что в моей стране все мальчишки, наследники султана, в возрасте шести лет отнимаются у матерей, после чего им полагается иметь собственный двор. В таких условиях Кесем не могла обеспечить сыну безопасность, но под предлогом болезни ей удалось удерживать при себе Селима до тех пор, пока ему не исполнилось четырнадцать. В это время мой хозяин наконец-то сделался султаном, и Селима отправили в Магнесию, где ему предстояло учиться искусству управления страной. Но перед этим он прошел курс обучения у мудрейших ученых, которых собрали со всей империи.

В прошлом году моя госпожа занемогла, и лекари вынуждены были объявить султану, что она не выздоровеет. Перед смертью Кесем заставила Баязета пообещать, что он вернет Селима из Магнесии и отдаст ему в управление провинцию неподалеку от Константинополя. Она просила поселить его во Дворце Лунного Света — его некогда подарил ей султан. И султан, дабы показать, как он любит Селима, должен объявить об этом на двадцать пятый день рождения принца, что случится через четыре месяца.

Султан намерен отметить день рождения сына с большой пышностью. Согласно последней воле умирающей Кесем, принц Селим сможет выбрать себе в подарок шесть девушек из гарема отца. Перед смертью госпожа приказала мне отыскать трех особенных девушек — наделенных и красотой, и умом, — которые помогут ему, оттеснив принца Ахмета, стать наследником султана.

На эту роль я и выбрал вас. Принц Селим — очень любезный и красивый молодой человек, отличающийся и обаянием, и большой ученостью. С ним вы могли бы жить счастливо. Когда-нибудь он станет султаном, и женщинам, его кадин, то есть матерям его сыновей, достанется и огромное богатство, и значительное влияние.

— А ведь вы рискуете жизнью, не так ли, Хаджи-бей? Что, если мы не согласимся на ваш план? Что, если предадим вас ради того, чтобы получить свободу? — спросила Сира.

— Я надеюсь на ваш ум, дорогие мои. Не думаю, что вы предпочтете смерть, а не власть и богатство. Если же вы решитесь меня выдать, вашей свободой станет смерть! Вас манит такая свобода? Тогда можете броситься в море с борта корабля — и дело будет сделано. Но умоляю, не мешайте моим планам! Сама судьба — или кисмет, как мы говорим, — послала мне вас. И сами решайте, как распорядиться выпавшей вам удачей. Мне кажется, вам достанет мудрости — и в таком случае я заранее знаю ваш ответ.

Но Сира продолжала расспрашивать:

— А как вы спрячете нас от султана? Ведь если он увидит нас и приблизит к себе, — принцу мы уже не пригодимся!

Евнух улыбнулся.

— Сераль — это отнюдь не царство порока и разнuzданных утех, как думают многие. Жизнь в серале подчиняется строгим правилам, предписаниям и множе-

ству обычаев. Там всему свое место! И у каждой женщины в доме султана своя роль. Есть просто служанки. Другие прислуживают или самому султану, или его женщинам, или в банях. Девушки, попадающие в гарем, также имеют разный статус. Большинство находятся на положении так называемых гедикли — и это весьма завидное положение. Далее следуют гёзде, то есть девушки, которым посчастливилось привлечь к себе внимание Баязета, но побывать в его постели еще не довелось. Есть икбал, то есть избранницы — они побывали в постели султана и сумели завоевать его любовь. И, наконец, кадин, подарившие султану сына или сыновей. У султана может быть только четыре кадин, причем самое высокое положение занимает мать наследника — баш-кадин. Султан всегда считал своей баш-кадин госпожу Кесем, хотя в данный момент наследником является сын Бесмы.

Главными же в гареме являются дочери султана и его мать, которая зовется валиде-султан. Мать нашего султана уже умерла, так что в данное время у нас нет валиде. Это самое высокое положение, которого может добиться османская женщина. Ее слово — закон во дворце и для всех женщин нашей огромной империи. Ее приказ может отменить только сам султан, да и то не всегда осмеливается.

У гёзде, икбал и кадин имеются собственные покои и многочисленные слуги, но гедикли живут в ода — это что-то вроде общей спальни, где распоряжается женщина почтенного возраста. Она обязана научить девушек нашим обычаям и раскрыть их личные таланты. Вас я поселю в скромной ода, находящейся под началом госпожи Рефет.

— Фаворитки султана?

— Нет, Фирузи, она больше не фаворитка. Она никогда не была кадин, поскольку имела несчастье подарить Баязету всего лишь дочек-близнецов. Они уже взрослые и вышли замуж за государственных сановников. Не пожелав удалиться во Дворец Бывших Жен, Рефет сделалась хозяйкой ода. Не очень завидная должность, поскольку после смерти Кесем Бесма сумела отчасти вернуть себе расположение султана. Однако там вы окажетесь в безопасности и сумеете избежать внимания султана, если будете слушаться меня и госпожу Рефет. Она добрая женщина и с самого начала знала о моем плане.

— Следующие четыре месяца вы посвятите учебе. За это время вам необходимо не только овладеть нашим языком, но и познакомиться с нашими обычаями. Вас обучат нашей музыке, танцам и, самое главное, тому, как доставить физическое наслаждение вашему господину. Будет нелегко, однако я считаю каждую из вас исключительно одаренной. Вы справитесь, я знаю. Итак... Ты сможешь мне, Сира?

Девушка утвердительно кивнула.

— А ты, Фирузи?

— Да, Хаджи-бей.

— Зулейка?..

— Да.

— Прекрасно! Однако я поставил перед вами весьма опасную задачу, и ключ к успеху — ваше молчание. Никаких разговоров ни с кем, даже между собою. На этом я настаиваю. В серале полно рабов, чья единственная обязанность — подслушивать и доносить обо всем, что происходит между женщинами. Полсловечка о моем плане — и вас сунут в мешок с камнями и бросят в море. А теперь идите к себе в каюту и отдыхайте, потому что завтра к вечеру мы достигнем Константинополя. И помните: как только мы там окажемся, я для вас — кызлар-ага, а вовсе не доверенный друг. Но бояться нечего, дорогие мои дочери. Я не спущу с вас глаз и буду охранять.

Девушки вышли, а Хаджи-бей на несколько минут погрузился в задумчивость. Затем, подойдя к стоявшему в изголовье его постели сундуку, поднял крышку и вынул мешочек из черного бархата. В мешочке обнаружилась неглубокая чаша из цельного кристалла. Поставив чашу на стол, Хаджи-бей плеснул в нее чистой воды. Затем сел и начал всматриваться в неподвижную водную гладь. Несколько минут он рассматривал видения, одно за другим всплывавшие перед ним из воды, и на губах его блуждала улыбка.

— Все получится, — прошептал он. — Хвала Аллаху! Все будет именно так, как нужно.

В те минуты, когда Хаджи-бей созерцал воду в хрустальной чаше, корабль Пьетро ди Сан-Лоренцо наконец-то бросил якорь в Аркобалено (захваченные яростным штормом, они уже не надеялись увидеть землю).

Пьетро сразу же направился на розовую виллу, где дожидался новостей граф Гленкирк... И новость повергла графа в жестокое отчаяние.

— Неужели ничего нельзя было сделать? — спросил он.

— Милорд, я был уверен, что она уже в моих руках. Я побил ставку самого багдадского калифа, предложив больше на пять тысяч золотых. Абдула бен Абдула уже поднял свой молоточек, чтобы закрыть торги, но тут проклятый Хаджи-бей предложил тридцать тысяч. Я пытался опротестовать сделку. Даже стал упрасивать остальных покупателей одолжить мне денег. Но кто осмелился бы бросить вызов султану Османской империи? А наличные требовалось выложить тут же, на месте.

— Возможно, султан мог бы назначить за нее выкуп, — не сдавался граф.

— Нет, невозможно, милорд. Вашу дочь купил не простой евнух, а сам Хаджи-бей, кызлар-ага! Не считая самого султана Баязета, это самый могущественный человек в его дворце. Обычно сей важный господин редко покидает Константинополь. И не покупает девушек-невольниц самолично. Однако ходит слух, будто на сей раз он несколько месяцев провел в путешествиях. Говорят, купил в Багдаде также девушку-китайку, а в Дамаске — изумительно красивую блондинку. А затем поспешил на торги в Кандии. Похоже, ваша дочь и две другие девушки нужны ему для какой-то особой цели. Так что на выкуп нечего и надеяться.

Шесть недель спустя Патрик Лесли, его сын Адам и Мэри Маккэй вернулись в Шотландию. Когда король имел неосторожность предложить графу новый дипломатический пост, он взорвался.

— Я отдал вам три года жизни, Яков Стюарт, и на вашей службе потерял единственную дочь! — заявил лорд. — Больше вы от меня ничего не получите! Я возвращаюсь в Гленкирк, и вы меня больше не увидите!

А Рудольфо ди Сан-Лоренцо оплакивал свою потерю целых три месяца, а затем взял в жены принцессу Марию-Елену Тулузскую.